

INSPIRIA

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Книги автора изданы в 46 странах и переведены на 23 языка

**БРАЙАН
ФРИМАН**

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. США

Брайан Фриман

Бесконечность

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Фриман Б.

Бесконечность / Б. Фриман — «Эксмо», 2021 — (Ток.
Национальный бестселлер. США)

ISBN 978-5-04-168516-4

Бестселлер Amazon. Дилан Моран переживает непростые времена. Они с женой пытаются спасти брак после ее измены. Но иногда понять, что кто-то действительно дорог, можно лишь потеряв. Во время наводнения машину Дилана уносит течением. Он зовет на помощь человека, который стоит на берегу и смотрит, как они с женой тонут. Осознание невозможности происходящего приходит тогда, когда Дилан понимает, что на берегу стоит он сам. Кошмар продолжается, ведь двойник — убийца, пришедший уничтожить жизни других. Других Диланов. «Продуманный сюжет совпадает с хорошо проработанным персонажем. Фриман обязательно завоеует новых поклонников с помощью этой книги, от которой невозможно оторваться». — Publishers Weekly «Психологический триллер, который не только полностью успешен в рамках жанра, но и играет на струнах вашей души, оставляя после себя невероятно запоминающийся и эмоциональный опыт чтения. "Бесконечность" — это нечто особенное». Bookreporter

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-168516-4

© Фриман Б., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	45
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Брайан Фриман

Бесконечность

Brian Freeman

INFINITE

Text copyright © 2021 by Brian Freeman

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© С. Саксин, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается Марше

Один мир за одну жизнь.

Торо¹, на своем смертном одре

¹ Торо, Генри Дэвид (1817–1862) – американский писатель, философ, публицист, натуралист и поэт (*здесь и далее прим. переводчика*).

Часть первая

Глава 1

– Мы очень сочувствуем вам, мистер Моран. Такая утрата, – сказал полицейский, протягивая мне белый пластиковый стаканчик с кофе. В руке у него был еще один стаканчик кофе, и полицейский ел обсыпанный сахарной пудрой пончик, оставивший у него на усах белый налет, похожий на свежавыпавший снег.

Я ничего не сказал. Я сидел оглушенный и оцепеневший, словно очутился в коме, из которой, возможно, мне было уже не выйти. Холод вызывал дрожь. Мою грязную, промокшую одежду забрали, а голое тело укутали шерстяным одеялом, но толку от этого было мало. Женщина-полицейский, живущая по соседству, предложила выстирать и высушить мою одежду и принести ее утром. Глубокие порезы у меня на руках и ногах обработали антисептиком и забинтовали, но я все равно ощущал резкую боль. Я постоянно откашливался, каждый раз при этом чувствуя во рту вкус реки.

Похожий на вкус смерти.

– То слишком мало, то перебор, – сказал полицейский.

Ему было лет сорок, круглолицый, с остатками темно-русых волос на голове. На одной ноздре у него была большая родинка, которая так и притягивала взгляд. Пухленький, чистенький, равнодушный – полицейский, проводящий ночи за столом в дежурной комнате. Двое других полицейских, молодые и поджарые, нашли меня в поле, с текущими по лицу струями дождя, смешанными со слезами.

Где я находился?

Что это за город?

Я не имел понятия. Сюда меня привезли полицейские, но ничего этого я не помнил. Я помнил только, как кричал, окликая Карли по имени, когда меня тащили прочь. А она по-прежнему оставалась где-то там, в воде.

– То слишком мало, то перебор, – снова сказал полицейский. – В этом году все лето такое. Май и июнь выдались сухими, ни капли дождя. Фермеры с ума сходили. Земля высохла, стала твердой как камень. А когда такой ливень, как сейчас, вся вода просто стекает в ручей. Земля не способна принимать так быстро столько влаги.

Он был прав. Мой дед вырос на равнинах Северной Дакоты, где каждую весну после таяния снегов случались паводки, и он предостерегал нас насчет рек: «Никогда не доверяй рекам, Дилан. Дай реке хоть малейшую возможность, и она тебя убьет».

Мне следовало бы прислушаться к его словам.

– Извините, что в такое время пришлось заниматься всей этой писаниной, – продолжал полицейский. Кажется, его фамилия была Уоррен, но я даже не мог поднять голову, чтобы прочитать нашивку на его рубашке. – Понимаю, сейчас вы об этом меньше всего думаете, но когда человек умирает, приходится выполнить массу формальностей. Таков порядок. Как я уже говорил, я вам очень сочувствую.

– Спасибо. – Я с трудом узнал собственный голос. Он совсем не был похож на мой.

– Вы не могли бы еще раз повторить, как звали вашу жену?

– Карли Чанс.

– У вас разные фамилии?

– Да.

– Сколько ей было?

– Двадцать девять лет.

– А вам?

– Мне тридцать два.

– Вы проживали в Чикаго?

– Да.

– Что привело вас в эту часть штата?

«Дилан, давай уедем на несколько дней. Знаю, ты расстроен и зол, и у тебя есть на то все основания, но нам нужно начать все сначала».

– Простите, что вы сказали?

– Я спросил, как вы оказались в этой части штата?

– На выходные мы уехали из города, – ответил я. – У знакомой Карли есть дом в Бигнеке.

– Чем вы занимаетесь в Чикаго, мистер Моран?

– Я менеджер по организации мероприятий в гостинице «Ласаль плаза».

– А ваша жена?

– Карли работает у своей матери. Она агент по недвижимости. Была, – помолчав, добавил я.

Запихнув остатки пончика в рот, Уоррен начисто вытер усы салфеткой. Все это время он делал пометки в желтой записной книжке, мурлыча себе под нос. Я обвел взглядом комнату для допросов: облупившаяся кремовая краска на стенах, окон нет. Уоррен сидел по одну сторону шаткого дубового стола, настолько старого, что на дереве сохранились следы от загашенных сигарет. Я сидел по другую сторону, укутанный в одеяло, словно младенец. Я не мог доверять своим органам чувств. Когда я дышал, я ощущал лишь сырость воды в носу. Закрывая глаза, я всякий раз оказывался в машине, а река крутила нас, будто карусель.

– Вы сможете вернуться обратно в город? – спросил Уоррен. – Родственники, друзья, есть кто-нибудь, кто вас заберет?

Я не знал, что ему сказать. Близких родственников у меня не было. Мои родители умерли, когда мне было тринадцать лет. Это стерильная версия, которую я рассказываю людям; так значительно проще, чем признаться, что отец у меня на глазах убил мою мать, после чего покончил с собой. После этого я перебрался к дедушке. Эдгару сейчас девяносто четыре года, и машину он больше не водит. Мы с ним и ладим, и не ладим, если вы понимаете, что я хочу сказать. И так было всегда.

Что касается друзей, другом детства, который всегда вытаскивал меня из разных передряг, был Роско Тейт, и он умер четыре года назад, после того как вытащил меня из очередной передряги. В буквальном смысле. Это была та ночь, когда я познакомился с Карли. Я был весь в крови, рука сломана, нога сломана. Роско, мертвый, сидел за рулем, со сломанной шеей. Я решил, что тоже умер. Я посмотрел в разбитые окна машины и увидел ангела, смотрящего на меня: ее платье развевалось на ветру, рука тянулась, чтобы взять меня за руку. Ее тихий голос шептал, что помощь уже идет, что все будет хорошо, что она меня не оставит.

Это была Карли.

И вот теперь ее больше нет. Еще одна авария.

– Если честно, у меня никого нет, – сказал я Уоррену.

– О, – ответил полицейский, топорща усы. – Ну, мы что-нибудь придумаем. Не беспокойтесь, мы доставим вас домой.

– Спасибо.

Пока мы сидели в комнате для допросов, дверь открылась. У полицейского на лице расплелось удивление, и он вскочил на ноги, стряхивая с плеч сахарную пудру. В дверях стояла женщина лет пятидесяти с лишним, миниатюрная и опрятная. Однако ее габариты нисколько не умаляли излучаемую ею властность. Ее светлые волосы были собраны в тугой пучок на затылке, оставляя на лбу короткую челку. У нее были вежливые карие глаза, а на губах застыло

спокойное, нейтральное выражение. Форма на ней слегка промокла, словно она вошла с улицы, однако все складки были наглажены.

– Господин шериф! – воскликнул Уоррен. – Прошу прощения, я не знал, что вы придете.

Шериф бросила на своего помощника нетерпеливый взгляд, красноречиво говоривший, что нет ничего удивительного в ее появлении в участке в четыре часа утра. Река вышла из берегов, в подопечном ей округе погибла женщина. В здешних краях это было серьезно.

– Ты свободен, Уоррен.

– Да, мэ.м.

Уоррен поспешно удалился, бросив на меня сочувствующий взгляд. Шериф села за стол и раскрыла папку, в которой лежало несколько листов. Бросив взгляд на верхнюю страницу, я увидел, что это донесение чикагской полиции. У меня не было сомнений в том, что в нем фигурирует моя фамилия.

– Здравствуйте, мистер Моран, – сказала шериф. – Я шериф Синклэр. Примите мои глубочайшие соболезнования в связи с гибелью вашей жены.

– Благодарю вас.

Я прекрасно понимал, что в данных обстоятельствах ничего другого люди сказать не могут и после этих слов им становится лучше. «Я вам сочувствую». Но тому, кто только что потерял всё, смею вас заверить, легче от этого нисколько не становится.

– Я бы хотела, чтобы вы рассказали мне обстоятельства случившегося.

– Я уже все рассказал, шериф.

– Да, знаю, мои люди поработали с вами, и я понимаю, как вам нелегко, но было бы очень хорошо, если бы вы рассказали мне еще раз.

И я рассказал.

Я прокрутил все, словно фильм ужасов, от которого невозможно оторваться. Рассказал, как двухполосное шоссе исчезло, поглощенное иссиня-черной водой разлившейся реки. Как мы оказались в грязевом потоке, который извивался и брыкался точно морское животное. Как скользили по поверхности подобно танцору, пытающемуся выполнить пируэт, а затем перед машины нырнул вниз, и грязная вода заполнила салон.

– Все это ужасно, – сказала шериф Синклэр, когда я закончил. Все то время, пока я говорил, ее глаза не отрывались от моего лица. Почему-то у меня возникло ощущение, будто я подключен к детектору лжи у нее в голове, и датчики с каждым моим вдохом следят за моим сердцебиением. Она напомнила мне мою мать, которая также служила в полиции и определяла, когда я лгу, по одному лишь взгляду на мое лицо.

– Вы знаете, с какой скоростью ехали, когда оказались в воде? – продолжала шериф.

«Дилан, помедленнее!»

– Прошу прощения, что?

– Вы знаете, с какой скоростью ехали, когда оказались в воде?

«Дилан, пожалуйста, помедленнее!»

– Нет, не знаю. Очевидно, слишком быстро. Я чересчур поздно заметил, что река вышла из берегов, и не успел остановиться.

– Машина утонула сразу же?

– Да.

– И вы оба оказались в ловушке?

– Да.

– Почему вам удалось выбраться из машины, а вашей жене – нет?

Я поморщился. У меня в голове мелькнула картина того, как машина выполнила под водой сальто. Пузырь воздуха вырвался из салона. Ближайшее ко мне стекло разлетелось вдребезги, и что-то вонзилось в салон подобно копыю.

– Ствол дерева воткнулся в машину, – объяснил я. – Я смог выбраться. Я попытался вытащить Карли, однако машина сместилась, вырывая ее из моих рук.

– Вы ныряли, чтобы помочь вашей жене?

– Конечно, нырял.

– В какой момент вы сдались?

– Я не *сдался*, шериф! – резко бросил я. – Я потерял сознание. Должно быть, в какой-то момент течение выбросило меня из воды. Когда я пришел в себя, я лежал на берегу и рядом были полицейские.

– Понятно. – Шериф задвинула пальцами в папку документы. Ее тон оставался нейтральным, и все-таки я уловил в нем обвинение. – У меня к вам еще несколько вопросов, мистер Моран. Вы пили перед тем, как сесть за руль?

– Нет.

– Абсолютно ничего? Ни алкоголь, ни наркотики?

– Ваши помощники меня проверили. Тест оказался отрицательным.

– Да, знаю. Хотя, если быть точным, им потребовалось какое-то время, чтобы выполнить тест, так что результаты необязательно достоверные. Я проверила вас по базе данных. В таких случаях это обычное дело. В прошлом у вас были проблемы с алкоголем, не так ли? Я вижу два случая управления транспортным средством в состоянии опьянения.

– Это было несколько лет назад. Да, порой я выпиваю слишком много, однако вчера вечером я не пил.

– Хорошо.

Шериф Синклэр покрутила в пальцах карандаш. Ее взгляд по-прежнему был сфокусирован на мне, словно она оценивала сидящего перед ней человека. Мне всегда казалось, что женщины быстро составляют мнение о незнакомых мужчинах, хорошо это или плохо. За считанные секунды они решают, надежный он или нет.

– У вас крутой нрав, мистер Моран, не так ли?

– Прошу прощения?

– Я вижу, у вас в прошлом помимо пьянства за рулем задержания за физическое насилие. Драки в барах и тому подобное. Ваше досье указывает на то, что вы склонны вести себя необузданно.

– Несколько раз я совершал ошибки, по пьяни, – подтвердил я. – Я глубоко сожалею об этом.

– Вы когда-нибудь били свою жену?

– Нет, я даже пальцем не тронул Карли или какую-либо другую женщину. Ни разу!

– Что насчет словесных оскорблений? Угроз?

– Никогда.

– Какими были у вас отношения?

«Дилан, прости, прости! Я совершила глупую ошибку. Ты сможешь когда-либо меня простить?»

– Что? – спросил я.

– Каким был ваш брак?

– Наш брак был замечательным, – солгал я. Что было глупо. Все знали о том, что случилось. Карли рассказала всё своей матери. Я рассказал коллеге по работе. Однако я не мог признаться вслух этой женщине-полицейскому, что моя жена была мне неверна.

– Ваша жена из состоятельной семьи, не так ли? Она ведь имеет отношение к компании «Чанс недвижимость»?

– Да, «Чанс недвижимость» принадлежит ее матери. Карли работала у своей матери. Но я не понимаю, шериф, какое это имеет отношение к случившемуся.

– Я просто хочу разобраться, что произошло. Вы ехали слишком быстро. Кто-то скажет, безрассудно. В прошлом у вас были случаи буйного поведения и пьянства за рулем.

У меня лицо залилось краской. Я почувствовал нахлынувший жар.

– Что за ахиною вы несете? Вы намекаете на то, что я умышленно направил машину в реку и бросил свою жену умирать?

– Я ни на что не намекаю.

– Ну, похоже, вы считаете меня тем, кто был способен на такое.

– Я понятия не имею, мистер Моран, что вы за человек. Я вовсе не говорю, что вы виноваты в случившемся. Моя задача заключается в том, чтобы просто собрать все факты.

Я подался вперед. Одеяло соскользнуло с моих голых плеч, и я натянул его обратно. Мой голос повысился, однако при этом наполнился треском статического электричества радиостанции, покидающей границы зоны приема.

– Вам нужны факты? Факты – это то, что моя жена погибла. Я ее любил. Я сделал все возможное, чтобы ее спасти, но не смог. Если бы жизнь предоставляла второй шанс, я сейчас был бы в воде, пытаюсь найти Карли. Вам это понятно, шериф?

Ее лицо смягчилось – самую малость.

– Понятно. Извините, мистер Моран.

– Если честно, я бы хотел остаться один, – сказал я. – Это слишком сильное потрясение. Я даже не знаю, где я.

– Да, разумеется.

Шериф Синклэр закрыла лежащую перед ней папку. Покатав по столу ручку, она засунула ее в карман. Встав, она подошла к двери, но, открыв ее, обернулась и снова внимательно посмотрела на меня.

Я догадался, что последует дальше.

– У меня к вам еще один вопрос, мистер Моран. По словам моих помощников, когда они вас обнаружили, вы говорили по большей части бессвязно.

– Вас это удивляет?

– Нет. Разумеется нет. Но они сказали, что вы постоянно упоминали какого-то человека, которого видели на берегу реки неподалеку от места аварии. Вы спрашивали, почему он вам не помог. Почему не попытался спасти вашу жену.

У меня пересохло в горле. Эту часть никто не поймет.

– Я ничего такого не помню, – ответил я.

– Вы *видели* кого-нибудь на берегу реки? – спросила шериф.

Закрыв глаза, я резко вдохнул. И снова почувствовал, как мои легкие кричат, жаждая воздуха, как грудь готова вот-вот разорваться, как моя голова поднимается над поверхностью воды.

Человек.

Он стоял меньше чем в десяти шагах от берега реки, на краю стремнины. Когда сверкнула молния, я отчетливо его разглядел. Не могло быть никакой ошибки, и неважно, что увиденное мною было совершенно невозможно. Я мог только кричать ему. Просить. Умолять.

Этот человек был моим спасителем. Он был мне нужен. Он мог спасти Карли.

«Помогите! Моя жена тонет! Помогите мне ее найти!»

– Нет, – ответил я шерифу, стараясь сохранить голос ровным. – Нет, было темно. Шел дождь. Я ничего не видел.

Странная озабоченная морщинка пересекла ее лоб. Шериф мне не верила, это было очевидно, но она не могла понять, почему я лгу в таком вопросе. Еще раз вежливо улыбнувшись, шериф Синклэр покинула комнату, закрыв за собой дверь. Наступила тишина. Я остался наедине с облупившейся краской на стенах и зловонным смрадом реки у меня в голове.

Да, я лгал, но я не мог объяснить ей причину.

Я не мог рассказать ей про человека, которого видел, потому что сам не мог объяснить это себе. Вы решите, что мне всё привиделось, и, вероятно, так оно и было. Я был в панике, испытывал кислородное голодание, и *действительно* было темно, *действительно* шел дождь.

С другой стороны, я не сомневался в том, что увидел.

Это я был тем самым человеком, стоявшим на берегу реки.

Это был Я.

Глава 2

После аварии я не мог поехать домой. Это было бы слишком быстро. Мы с Карли жили рядом с Ривер-парком в двухэтажном доме, в котором я вырос со своим дедом. Эдгар жил наверху, а мы устроились на первом этаже. Когда я вошел бы в комнаты, меня встретил бы аромат духов Карли. Наши фотографии висели бы на стенах и стояли в рамках на каминной полке. В шкафу висела бы одежда Карли, в ванной стоял бы ее шампунь. Я бы увидел ее почерк в коротких стишках, которые она писала на листках и вешала на холодильник. В этой квартире жена, с которой я прожил три года, по-прежнему оставалась бы живой, и я не смог бы принять то, что она умерла.

Один из полицейских отвез меня в Блумингтон-Нормал, а оттуда я добрался до города на поезде. Я прошел пешком до гостиницы, в которой работал, расположенной на Мичиган-авеню, напротив Гранд-Парка. Я снял номер и покинул фойе до того, как персонал успел окружить меня фальшивым участием. Следующие двое суток я провел в некоем подобии зимней спячки. Звонил телефон – но я не обращал внимания на звонки. Кто-то стучал в дверь – я не отвечал. Я заказывал еду в номер и просил оставлять поднос за дверью, затем, почти ничего не съев, выставлял подносы обратно в коридор.

Пил ли я?

Да, пил, и много.

Понимаю, что вы, вероятно, обо мне подумаете. Дилан пьет. Ввязывается в драки. Он плохой человек. И я, в общем-то, не могу с вами спорить. Так было с тех самых пор, как умерли мои родители, и все же это не оправдание моего образа жизни. Просто так обстоит дело. Мои пороки намертво цепляются за меня якорями. Карли как-то сказала, что я постоянно сражаюсь со второй своей половиной и настанет день, когда мне придется сделать выбор и отшвырнуть ее прочь. Но я так и не мог понять, как это сделать.

Во время второй моей ночи в гостинице в какой-то момент мне приснился кошмар, будто я по-прежнему под водой. Я был слеп, без путеводного компаса, и погружался все глубже в пучину мрака. Тяжесть сдавливала мне легкие, подобно воздушному шарик, готовому вот-вот взорваться. Где-то поблизости, но вне пределов досягаемости, я слышал приглушенный голос Карли, призывающей на помощь, умоляющей спасти ее.

«Дилан, найди меня! Я еще здесь!»

Я проснулся, закрученный в простыни. Взмокший от пота, я судорожно дышал, уставившись в потолок. Моя кровь все еще оставалась отравлена алкоголем, отчего у меня перед глазами все плыло. Комната крутилась подобно карусели. Я встал со слишком мягкой кровати и подошел к окну. Передо мной простирался Гранд-Парк: фонари вытянулись в два ряда вдоль улицы, ведущей к Букингемскому фонтану. Вдалеке за парком зловеще темнело озеро Мичиган, подобно мрачному грозовому фону картины. Обычно этот вид мне нравился, но сейчас я не увидел ничего, кроме собственного отражения в стекле, которое попеременно расплывалось и снова становилось резким.

Дилан Моран.

Я смотрел на это лицо и видел в стекле отражение незнакомого человека. Я не мог заглянуть внутрь того, кто смотрел на меня. Казалось, я разбился на куски и оставил какую-то часть себя с тем человеком на берегу реки. И все-таки, несмотря ни на что, это было мое отражение. Это был я.

У меня густые черные волосы, довольно неаккуратные. Кустистые черные брови изгибаются подобно поникшим плечам химеры-горгульи. В лице полно резких углов, губы тонкие, подбородок острый, скулы жесткие, нос маленький и свирепый. Карли шутила, что ей приходится ласкать мое лицо осторожно, чтобы не обрезать. На верхней губе и подбородке у

меня черная щетина, в основном потому, что мне почему-то никогда не удается начисто ее сбрить, так что я давно уже и не пытался это сделать. Она подобна тени, которая следует за мной повсюду.

Я невысокий. В водительских правах указано, что мой рост пять футов десять дюймов, однако мой врач знает, что я едва дотягиваю до пяти футов девяти дюймов. Я поддерживаю хорошую физическую форму, бегаю, занимаюсь боксом, выполняю упражнения с гантелями – делаю все, что делает малорослый тощий парень, чтобы казаться круче. Я хочу, чтобы все знали, что с Диланом Мораном лучше не связываться, и это можно увидеть у меня в глазах. Они синие, как океан, внимательные и злые. Почти всю мою жизнь меня что-то злило. И, похоже, не имело значения, что именно.

Забавно. Вскоре после того как мы поженились, Карли копалась у Эдгара в квартире, помогая ему разобрать вещи, и нашла фотографию, на которой мне двенадцать лет. Она была сделана еще до того, как с моими родителями произошло все это. До старших классов школы, когда мы с Эдгаром спорили по поводу оценок, девочек, курения и наркотиков. В физическом плане я тогда выглядел таким же. У меня по-прежнему была та же самая неряшливая прическа, и рост мой был уже почти такой же, какой мне было суждено иметь позже. Но Карли посмотрела на фотографию, затем на меня, и я почувствовал, что она думает.

«Дилан, что с тобой произошло?»

Тогда у меня еще были широкая улыбка и широко раскрытые невинные глаза. Я был счастливым ребенком, но того ребенка давно уже нет. Он умер в спальне вместе с моими родителями. Глядя на свое отражение в окне гостиничного номера, с маячащими за моим лицом парком и озером, я произнес тот же самый вопрос вслух:

– Дилан, что с тобой произошло?

Затем я приложил ко рту наполовину полную бутылку водки, выпил то, что осталось, раз десять выкрикнул городу ругательство и швырнул бутылку в стену. Стекло разлетелось на острые как бритва осколки, усыпавшие постель. Я вздохнул, разочарованный собой. Это всегда происходило вот так, снова и снова. Собрал осколки, я сел на край кровати и сжал острое стекло в кулаке с такой силой, что сквозь пальцы просочилась кровь.

Остаток ночи я провел там, до тех пор пока кровь не засохла и я, наконец, не заснул.

Первая волна горя не может продолжаться вечно. Ты можешь чувствовать себя мертвым, но в конце концов ты осознаешь, что по-прежнему жив, и тебе нужно определить, как жить дальше.

Утром на четвертый день я достал из шкафа в гостиничном номере костюм. Моя помощница Тай организовала, чтобы мне из нашего дома привезли кое-что из одежды. С задачей она справилась превосходно. Я принял душ, надел костюм, туго затянул на шее галстук и покинул номер. На самом деле я еще не был готов возвращаться в мир, однако у меня не было выбора.

Я спустился на лифте в фойе. «Ласаль плаза» – величественная старинная гостиница в центре города, ведущая свое начало от «Белого города» времен Всемирной колумбийской выставки². Здесь можно ощутить призраков рубежа веков, которые неслышно проходят мимо, задевая тебя легким прикосновением шелка. В роскошном фойе сверкающие мраморные полы, разделенный на секции потолок и изысканно украшенные арки из стекла, бронзы и камня.

² «Белый город» – зона отдыха на южной окраине Чикаго, существовала с 1906 г. по 1950-е годы, семирная колумбийская выставка – международная ярмарка, проводившаяся в Чикаго в 1893 г. в ознаменование 400-летия прибытия Христофора Колумба в Новый Свет.

Я работал в «Ласаль плаза» еще с тех пор, как учился в Университете Рузвельта. Начал я коридорным и затем поднялся по карьерной лестнице. Предыдущий менеджер по организации мероприятий, некий Боб Френч, взял меня своим помощником и не расстался даже тогда, когда мое поведение за стенами кабинета навлекло на меня неприятности. Шесть лет назад Боб перешел менеджером по организации мероприятий в «Фэрмонт» в Сан-Франциско. Он предложил мне перебраться на Запад вместе с ним, однако я не мог представить себе жизнь не в Чикаго. Боб оказал мне услугу, сказав администрации гостиницы, что его место должен занять только я, что было свидетельством большого доверия, учитывая мой возраст в то время и мою склонность отпраиваться после работы напрямиком пить в «Бергхофф», вместо того чтобы идти домой. С тех самых пор я пытался доказать, что администрация не ошиблась в своем выборе, а это нередко означало четырнадцатичасовой рабочий день и работу в выходные. Карли не раз говорила мне, что для меня жизнь – это работа. И говорила она это не как комплимент.

Первой моей остановкой стал не мой кабинет, а танцевальный зал гостиницы. Мы с Карли отмечали здесь нашу свадьбу; в Чикаго это событие стало гвоздем сезона. Двухуровневое пространство представляло собой Версальский дворец в миниатюре: отделка в виде позолоченных листьев, на стенах массивные канделябры, над арками дверей и на потолке фрески с парящими херувимами. Я остановился у входа, наблюдая за тем, как рабочие устанавливают стулья и сцену для вечернего мероприятия. В нормальном состоянии я смог бы перечислить все мероприятия в танцевальном зале на несколько недель вперед, однако авария стерла у меня в памяти определенные детали. Увидев у дверей большую афишу на подставке, я подошел к ней, чтобы освежить в памяти, кто снял на этот вечер мой танцевальный зал.

На афише была привлекательная женщина лет сорока. Ее черные волосы с белыми прядями были вздыблены на голове пенящейся океанской волной. Женщина была белая, однако миндалевидная форма глаз указывала на то, что где-то в ее прошлом была азиатская кровь. Ее золотисто-карие глаза пристально смотрели прямо в объектив, губы изгибались в мечтательной улыбке, открывающей лишь узкую полоску зубов. На ней был черный вязанный топ с длинным рукавом, и она стояла, подавшись вперед и поставив руку на стол. Пальцы ее изгибались, словно она кого-то ласкала. В целом фотография производила интимный и эротический эффект, словно женщина подзывала подойти ближе.

Над фотографией были имя и тема выступления:

ДОКТОР ЕВА БРАЙЕР

Писательница – психолог – философ

«Много миров, много сознаний»

Я попытался вспомнить, кто она такая, но память оказалась совершенно пуста. Мы постоянно принимаем здесь конференции и семинары, но я не помнил, чтобы сдавал зал какой-то Еве Брайер. Судя по фотографии, такую я бы вряд ли забыл. И в то же время в ней было что-то знакомое. Ее лицо расшевелило... что? Что это было? Не воспоминание в прямом смысле, но мне показалось, что мы с ней где-то встречались.

– Привет, Дилан!

Голос прозвучал у меня за спиной. Обернувшись, я увидел свою помощницу Тай Рагасу. На лице у нее была написана бесконечная скорбь. Подойдя ко мне, она обняла меня за шею и крепко прижала к себе. От этой близости мне стало неудобно, но я решил не отстранять ее. Тай обнимала меня чуточку дольше подобающего, после чего отпустила. Вытерев слезинку, она взяла меня за обе руки. Я почувствовал остроту ее длинных ногтей.

– Даже не знаю, что сказать, – сказала Тай.

– Знаю.

– Это так ужасно!

- Да.
- Тебе точно лучше быть здесь?
- Нет, но в одиночестве я потихоньку начал сходить с ума.
- Понимаю.

Тай провела меня к ряду стульев в конце зала. Мы сели рядом. Рабочие суетились вокруг нас, окликая друг друга голосами, гулким эхом разносившимися под высокими сводами. Я попытался высвободить руку, но Тай ее не выпустила.

– Чем я могу тебе помочь? – спросила она.

– Ничем.

– Все в гостинице переживают за тебя. Я хочу сказать, если тебе что-либо понадобится, мы будем рядом, чтобы тебе помочь.

– Знаю.

– Тебе правда лучше уйти отсюда. Я серьезно. У меня все под контролем. Мы справимся.

– Я очень признателен.

– Подумай о себе, – сказала Тай.

– Спасибо.

Она нежно поцеловала меня в щеку. Ее чистый цветочный аромат обволок меня. Когда она отпустила меня, ее эбонитовые глаза продолжали смотреть мне в лицо, а несколько прядей черных волос зацепились за пуговицы моей рубашки.

– Если тебе будет нужно поговорить, я здесь, – прошептала она. – Понимаю, ты еще не готов, но как только ты захочешь...

– Я не готов. Я определенно не готов.

– Хорошо.

У нее зажуужала рация. Я услышал, как один из моих подчиненных спрашивает у нее насчет доставки продовольствия. В нашей работе нам приходится постоянно поддерживать контакт с поставщиками. Успешное мероприятие – это миллион деталей, разложенных одна за другой в строгом порядке. Тай бросила на меня виноватый взгляд, отвечая на вызов, однако я был рад хоть какой-то свободе.

Я взял Тай на работу шесть лет назад, сразу же после того, как сам получил повышение. Как и я, она училась в Университете Рузвельта, по программе гостиничного бизнеса. Как начальник я выбирал подчиненных, ориентируясь на свое чутье, и в данном случае чутье сказало мне, что Тай расторопная и толковая и когда-нибудь будет управлять всей гостиницей. Сейчас ей было двадцать восемь, на Филиппинах у нее осталась консервативная католическая семья. У самой Тай также была крепкая религиозная жилка, однако трудно оставаться консервативным в таком мегаполисе, как Чикаго. За прошедшие несколько лет Тай открыла для себя текилу, поп-музыку и обтягивающие платья, подчеркивающие худощавые изгибы ее тела.

Это была пятифутовая тростинка, динамо-машина на высоких каблуках. Ее черные волосы, очень длинные, были расчесаны на прямой пробор. Темные глаза искрились под коварно изогнутыми бровями, губы постоянно были ярко-алыми. Когда Тай улыбалась, а это случалось часто, у нее на щеках появлялись очаровательные ямочки.

Если бы мне вздумалось рассказать о наших взаимоотношениях в «Фейсбуке», я бы сказал, что они сложные. Мне нравилось ее поучать. Нравилось, когда Тай льстила мне, говоря, как хорошо я делаю свою работу. Нравились ее язвительные шуточки, которые она отпускала шепотом о парах, отмечающих свое бракосочетание у нас в танцевальном зале. Для меня Тай была младшей сестрой, и, как старший брат, я доверительно выкладывал ей свои тайны. Совсем недавно я поведал ей о том мимолетном романе, который был у Карли на стороне, и она, как и подобает младшей сестре, тотчас же заверила меня в том, что я был прав, а Карли была неправа.

Все это казалось мне безопасным, поскольку я не питал к Тай романтических чувств. Однако Карли видела все иначе. С первой же встречи она страшно невзлюбила Тай. У нее была

привычка изобретать слова, точно определяющие то, что она хотела сказать, и такое слово она придумала и для Тай. «Манипуляторша». В словаре Карли оно означало властную, самоуверенную женщину, которая добивается своего, притворяясь покорной. Для Карли, которая была сильной и не скрывала этого, подобное притворство являлось самым тяжким грехом.

– Итак, Дилан, чем я могу тебе помочь? – спросила Тай, убирая рацию. Взяв своими длинными пальцами меня за подбородок, она повернула мое лицо так, чтобы я смотрел на нее. – Я хочу помочь тебе всем, чем смогу.

– Пока что я еще ничего не знаю, – сказал я, что было правдой. – Пока просто держись рядом, хорошо?

– Можешь не беспокоиться.

– Я думал, что смогу выйти на работу, но теперь вижу, что у меня не получится. Пока что.

– Никто и не ждал, что ты выйдешь так скоро, – сказала Тай.

Я взглянул на часы.

– Мне пора идти. Через час я встречаюсь с Эдгаром у Института искусств. Он сойдет с ума, если я опоздаю.

– Эдгар знает? Я хочу сказать, насчет Карли?

– Я ему звонил, но я не знаю, понял ли он то, что я сказал. К тому же его краткосрочная память очень ненадежная.

– Конечно.

Я встал. Тай сделала то же самое и снова заключила меня в объятия, продолжавшиеся слишком долго.

– Ты эту ночь снова проведешь в гостинице? – спросила она.

– Вероятно. Пока что я еще не могу возвратиться домой.

– Я позвоню тебе перед тем, как уходить с работы.

– В этом нет необходимости.

– Я просто хочу быть уверена в том, что у тебя все в порядке.

Тай стиснула мне плечо, и я ответил пустой благодарной улыбкой. Я уже отвернулся, но затем, спохватившись, вспомнил, что я хотел узнать.

– Кстати, кто такая эта Ева Брайер?

– Что?

Я указал на афишу у двери в зал:

– Она сегодня выступает здесь.

– Ты ее не знаешь?

– Нет.

– Странно, – ответила Тай.

– Почему?

– Она мне сказала, что выбрала нашу гостиницу по твоей рекомендации.

– По *моей* рекомендации? Она сказала, что мы с ней знакомы?

– Определенно.

Я еще раз взглянул на фотографию доктора Евы Брайер, и у меня снова возникло ощущение, будто она посылает мне приглашение: «Подойди ближе! Узнай меня!» Да, она казалась мне знакомой, но я не мог вспомнить, чтобы когда-либо встречался с ней.

– Быть может, мы с ней где-то встретились случайно и я рассказал ей про нашу гостиницу, – предположил я, понимая, что это не так. – Кто она такая?

– Новомодная гуру из тех, кто учит, как помочь себе самому, – объяснила Тай. – Она оставила мне свою книгу, но я на нее даже не взглянула. Кем бы она ни была, она очень популярна. Мы рассчитываем, что на ее выступление соберется большая толпа.

– «Много миров, много сознаний», – прочитал вслух я. – Что это означает?

– Судя по всему, эта Брайер пытается применить принцип квантовой механики из физики к своим психотерапевтическим методам. Что-то в таком духе, будто все мы являемся частью бесконечного числа параллельных миров. И всякий раз, когда мы делаем какой-нибудь выбор, наша полная копия в другой вселенной принимает противоположное решение.

– Параллельные миры? – скептически произнес я.

Я не смог охватить умом эту концепцию. Возможно, потому что полностью сосредоточился на двух других словах, употребленных Тай.

«Полная копия». Двойник. Близнец. Человек в грозу.

– Так она говорит, – ответила Тай. – Когда эта Брайер подписывала договор об аренде танцевального зала, она заверила меня в том, что уже создана совершенно другая вселенная, в которой она *не подписывает* договор.

– И что ты на это сказала?

– Я попросила ее позаботиться о том, – хитро подмигнула Тай, – чтобы оставаться в той вселенной, в которой она оплатила счет.

Глава 3

По пути к Институту искусств на встречу с Эдгаром я остановился в южном саду музея, у фонтана Великих озер, где вода струится из ракушек на телах пяти прекрасных бронзовых женщин.

Для меня это место было насыщено воспоминаниями.

Как-то раз весенним днем мы с Карли сидели здесь, взявшись за руки, среди белых акаций, слушая журчание воды. Это были еще самые первые дни, когда мы уже понимали, что любим друг друга, но еще не делились самым сокровенным. Карли была в зеленом свитере с длинным рукавом и в клетчатой юбке, в которой, на мой взгляд, казалась ирландской бунтаркой. Женщиной на любое время года. Кожа у нее была белая, как слоновая кость, с редкими веснушками. Глаза обладали способностью менять свой цвет в зависимости от освещения, и в тот день, в прохладной апрельской тени они отливали печальной блюзовой голубизной. Одинокая бронзовая кнопка украшала верхнюю часть ее левого уха. От ее светлых волос, неровно остриженных на уровне плеч, словно она сделала это сама, чтобы показать всему миру, что она это может, пахло свежей веткой розмарина.

Я очень хорошо запомнил этот день, потому что именно тогда рассказал ей, что мой отец сделал с моей матерью. Конечно, Карли знала, что случилось, но без подробностей, без того, что я видел из угла спальни. Кроме Роско, я больше ни с кем не делился этой тайной. Я сказал Карли, что должен сказать ей что-то важное, и хотя не объяснил, что именно, я был уверен, что она уже догадалась. Этот кусок моего детства зиял дырой в том, что она обо мне знала. Но сейчас, сидя у фонтана, я поймал себя на том, что мне трудно начать говорить. Почему-то я не мог переключить свое сознание и вернуться в то мгновение, когда я, тринадцатилетний, с широко раскрытыми глазами чувствовал запах дыма и видел на полу кровь. Просто в прошлом есть такие места, в которые больше никогда не хочется возвращаться.

Карли предоставила мне полную свободу. Она не торопила меня, уверенная в том, что я расскажу ей все и без ее вопросов. Убедившись в том, что я молчу, она рассказала мне историю из своего прошлого, чтобы подтолкнуть меня начать. По большей части Карли рассказывала о своей матери.

– Я говорила тебе, что первое предприятие Сюзанны провалилось? – сказала она. Она неизменно называла свою мать Сюзанной, не мамой и не матерью. – Прежде чем она открыла «Чанс недвижимость», она обанкротилась. Это мало кто знает.

– Вот как?

Я не знал, почему сейчас Карли выбрала именно эту историю, но у нее всегда были свои причины.

– Да, это случилось много лет назад. Они со своей лучшей подругой отделились от одного из крупных торговых домов и основали свое дело. Небольшое, вдвоем, но ты знаешь Сюзанну – планы у нее были огромные. Они вкальвали по полной. Ее подруга – ее звали Брен – мне очень нравилась. Тогда у нас была маленькая квартира на Девон-стрит, и Брен, приходя к нам, чтобы встретиться с Сюзанной, всегда приносила мне что-нибудь вкусненькое.

– Сколько тебе тогда было? – спросил я.

– Лет одиннадцать или двенадцать, что-то в таком духе. Как я сказала, Брен мне очень нравилась. Они с Сюзанной были одного возраста и знали друг друга уже много лет, но боссом определенно была Сюзанна. Наверное, Брен просто старалась ее ублажить, но я, пусть тогда еще и ребенок, уже понимала, что это проигрышная игра. В общем, их начинание продержалось год, когда Брен облажалась. Я хочу сказать, облажалась по-крупному. Но Сюзанна также была в курсе, так что виновата была не одна Брен. Они вложились в коммерческую недвижимость к югу от Милуоки, поскольку Брен получила конфиденциальную информацию о том,

что одна крупная корпорация якобы собралась перенести туда свою штаб-квартиру из Чикаго. Исходила эта информация от председателя совета директоров. Вроде была достоверной. Но, как оказалось, это был лишь тонкий ход, направленный на то, чтобы добиться от городских властей налоговых послаблений. Сюзанна и Брен остались у разбитого корыта. Их использовали. Они потеряли всё.

Карли умолкла, разглядывая женщин в скульптурной группе, выливающих воду, что должно было символизировать течение воды из одного Великого озера в другое. Кардинал уселся на макушку одной из женщин и запел о том, какой сегодня потрясающий весенний денек.

– Брен пришла к нам в тот день, и Сюзанна выложила ей все, – наконец снова заговорила Карли. – Обвинила ее в катастрофе. Сказала, что они разорены, назвала Брен неудачницей, сказала, что ей ничего нельзя было доверять. Это было одним из самых впечатляющих ее представлений. А Брен просто сидела и молча ее слушала. Я хочу сказать, она пришла к нам домой, понимая, что будет, но все равно пришла. И даже не забыла захватить для меня гостинцы.

Я увидел, как Карли собирается с духом. Я не понимал выражения у нее на лице, но чувствовал, что дальше в ее рассказе будет какой-то неожиданный поворот. Брен имела для нее большое значение, и потому она выбрала именно этот момент, чтобы рассказать мне о ней. Пока я сам боролся со своим собственным прошлым.

– Карли, – тихо спросил я, – что произошло дальше?

– В ту же ночь Брен покончила с собой. Перерезала себе вены в ванне.

У меня из горла вырвался сдавленный крик.

– Я тебе сочувствую.

– Она даже оставила предсмертную записку, прося у Сюзанны *прощения*. Ты можешь в это поверить?

– Я тебе сочувствую, – повторил я.

– Я люблю свою мать, Дилан, но ты должен понять, что бывают мгновения, когда я ее ненавижу. Она может быть бездумно жестокой. Если честно, мне страшно, что я стану такой же, как она. Что она в моих генах и я не смогу убежать от своей судьбы.

– Я тебя понимаю.

Потому что я действительно прекрасно ее понимал. Я знал, что она чувствует. Всю свою жизнь я боялся того, что превращусь в своего отца.

Вытерев глаза, Карли ждала. Я понимал, чего она ждет. Карли сделала все, что в ее силах, чтобы помочь мне вскрыть запертую дверь. Чтобы предоставить мне свободное пространство. Раз она смогла поделиться своей болью, своими страхами относительно того, кто она такая, значит, и я также смогу поделиться своими.

Последовало долгое молчание. Я собирался с духом.

– Моя мать собирала вещи, – наконец едва слышно произнес я.

Карли не требовалось объяснение, я мог не говорить ей, что имею в виду. Она взяла меня за руку и пристально посмотрела мне в глаза. Мое дыхание стало неровным, сердце забилося чаще. Я по-прежнему мысленно видел всё, потому что это всегда присутствовало там. Мой отец, мертвецки пьяный, лицо его свекольно-багровое, на нем старая кожаная мотоциклетная куртка. Я сижу в углу спальни, подобрал колени к груди, и смотрю на своих родителей. Я видел все это. Просто мне нужно было выпихнуть из себя слова, чтобы Карли также это увидела.

– Моя мать собирала вещи, – повторил я. – Она торопилась. Она хотела забрать меня и уйти. Какое-то время мы должны были пожить у одного ее знакомого-полицейского. Так она сказала. Она сказала, у своего друга. Я понятия не имел, что у них роман. Однако мой отец это знал. Он знал.

Я помнил все то, что отец сказал вслух о матери, все те ругательства, которые он выкрикнул ей в лицо, но не мог их повторить. Никому. Они были слишком грязными.

– Мамин пистолет лежал на комод, – продолжал я. – Не знаю, почему она его оставила там. Наверное, она торопилась и ни о чем не думала. Отец кричал на нее, а она просто продолжала складывать вещи в чемодан. Он заводился все сильнее и сильнее. Затем отец схватил пистолет. Я увидел это словно в замедленной съемке, понимаешь? Когда пистолет оказался у него в руке, он какое-то мгновение колебался, но недолго, может быть, несколько секунд. Потом отец передернул затвор и выстрелил. Брызнула кровь, по всей кровати и на стену. Мама рухнула как подкошенная, сраженная наповал. Отец в шоке посмотрел на тело, словно не в силах поверить в то, что он это сделал. Затем он посмотрел на меня.

Я почувствовал, как Карли сжала мне руку, словно я болтался высоко в воздухе, сорвавшись с моста, и только она одна могла предотвратить мое падение.

– Отец увидел меня в углу комнаты. Я знал, о чем он подумал. Я прочитал это у него в глазах. Я следующий. Убить и меня. Я увидел, как он поднимает пистолет и целится прямо в меня, но я застыл и не мог пошевелиться. Должно быть, при виде меня у отца в голове что-то сместилось. Он медленно, очень медленно согнул локоть так, что пистолет оказался у него под подбородком. Потом он тихо заскулил. Я отчетливо помню этот звук – так скулит собака, когда умирает ее хозяин. После чего он выстрелил.

Карли редела. Беззвучно, но так отчаянно, что едва могла дышать. А я не плакал. Я уже все выплакал.

– Я должен был не допустить это, – сказал я.

Обвив меня руками за шею, Карли сказала то, что говорили мне люди все эти годы:

– Ты был ребенком. Маленьким мальчиком. Что ты мог сделать?

Да, что я мог сделать?

Этот вопрос я задавал себе каждый день с тех пор, как мне исполнилось тринадцать лет. Ответа я так и не смог найти, но, даже если бы и нашел, это ничего не изменило бы. Как бы сильно ни желать чего-то, как бы истово ни молиться, второго шанса не будет. И остается только смириться со своими ошибками. К сожалению, нет учебника, в котором объяснялось бы, как это сделать.

И вот теперь, много лет спустя, я чувствовал себя так, будто живу в бесконечной петле. Все они умерли из-за меня. Моя мать. Роско. И вот теперь Карли.

Каждый раз. Каждый раз повторялось одно и то же.

Я должен был остановить это.

Мы с Эдгаром встречались по четвергам в обед перед классической картиной «Полуночники» Эдварда Хоппера³. Мы с дедом мало в чем сходимся мнениями, но мы согласились с тем, что это наша самая любимая картина во всем Институте искусств.

На протяжении многих лет, глядя на трех персонажей Хоппера, сидящих за столом, я представлял себя одиноким мужчиной, сидящим спиной к художнику, лица которого не видно. Это был я, один-одинешенек в Чикаго. Затем, после того как я встретил Карли, я начал видеть себя в другом мужчине, сидящем рядом с рыжеволосой девушкой в облегающем красном платье. Мне нравилось быть этим мужчиной. Мне нравились его сигарета, его шляпа и его костюм, но больше всего мне нравилась сидящая рядом с ним женщина.

Стоя перед картиной, я услышал стук дедушкиной палочки по деревянному полу галереи. Эдгар приблизился ко мне сзади, подволакивая правую ногу – последствия случившегося семь лет назад инсульта. Он был в бейсболке, повернутой задом наперед, белой футболке с

³ Хоппер, Эдвард (1882–1967) – американский живописец и гравер, видный представитель американской жанровой живописи.

большим вырезом, открывавшим курчавые седые волосы на груди, мешковатых бежевых шортах и черных сверкающих штиблетах с черными носками. Да, Эдгар обладал своеобразным вкусом, и ему было наплевать на то, что думают о нем окружающие. Со мной он не поздоровался, вместо этого шумно вздохнул, удовлетворенно глядя на полотно Хоппера.

Одно то, что мой дед в свои девяносто четыре года был еще жив, можно было считать чудом. Всю свою жизнь он много курил, а диета его состояла по большей части из пива и гамбургеров. Когда-то мы с ним были одного роста, но с годами Эдгар усох и сейчас был на три дюйма ниже меня. Из дома он теперь почти не выходил, и мы с Карли наняли сиделку, дежурившую у него несколько дней в неделю, что он ненавидел. Однако каждый четверг, невзирая на слякоть, холод или снег, дед по-прежнему садился на автобус и ехал в центр, чтобы встретиться со мной в Институте искусств. Я никак не мог понять: он приезжал, для того чтобы посмотреть на меня или на «Полуночников»?

– Я тебе когда-нибудь говорил, что эта картина на самом деле висит здесь, в музее, благодаря мне? – спросил Эдгар.

Это был наш ритуал. Каждую неделю дед задавал мне один и тот же вопрос и рассказывал одну и ту же историю. Не знаю, то ли он забывал, что я уже слышал ее тысячу раз, то ли ему было все равно.

– Мне было шесть лет от роду, – продолжал Эдгар, слушая свой голос и настраивая громкость слухового аппарата. Его голос разносился по всей галерее. – Родители на Рождество привезли меня в Чикаго, чтобы показать празднично украшенные витрины. Мы остановились на перекрестке Стейт-стрит и Рэндольф-авеню, и я увидел перед универмагом мужчину с окладистой седой бородой. Я решил, что это Санта-Клаус. Я бросился к нему и столкнулся с человеком, который собирался перейти улицу. Сбил его с ног! И тут, представляешь себе, в это самое мгновение через перекресток на полной скорости промчался грузовик, груженный зерном. Если бы я не свалил этого мужчину, грузовик точно сбил бы его насмерть. И ты знаешь, кем оказался этот мужчина?

– Кем он оказался, Эдгар? – улыбнулся я.

– Его звали Даниэль Каттон Рич. Он был директором Института искусств. Это было Рождество 1941 года, и в том же самом году Рич приобрел «Полуночников» напрямую у Эдварда Хоппера. И с тех самых пор она висит здесь. Если бы не я, как знать, где очутилась бы эта картина?

Эдгар переступил с ноги на ногу, довольный собой, как всегда.

Я дал ему еще какое-то время созерцать полотно, потому что мне не хотелось говорить о Карли. Я не знал, как дед отнесется к известию о ее гибели. Когда толпа вокруг нас наконец рассеялась, я тихо промолвил:

– Эдгар, ты помнишь мой звонок? Помнишь, что я тебе сказал?

Дед снял бейсболку и почесал всклокоченные седые волосы.

– О чем?

– О Карли. О том, что произошло.

Я не увидел у него в глазах искорку воспоминания. Факты имеют склонность попадать Эдгару в сознание и покидать его, долго там не задерживаясь. Натянув бейсболку на голову, дед снова уставился на картину, сосредоточенно наморщив лоб, словно понимая, что я сказал ему *что-то* важное и он обязательно должен это вспомнить.

– Она умерла, – напомнил ему я, и когда я произнес это вслух, у меня внутри все обрвалось.

Эдгар надолго задумался, перед тем как мне ответить. Я даже начал гадать, услышал ли он меня. Наконец он поджал губы, собираясь высказать мне то, что думает.

– Лучше жить без женщин, – объявил дед, и в его голосе прозвучала злая резкость. – Только и ждут, как бы нанести удар в спину. Моя жена ушла от меня к другому, когда мне было пятьдесят. Больше я ее никогда не видел. Очень хорошо, что я от нее избавился!

– Эдгар! – вздохнул я, не желая выслушивать еще одну обличительную речь. Только не сегодня.

– Она заявила, что больше не знает, кто я, черт побери! Что это значило? Я был тот, кто приносит в дом еду, вот кем я был. Когда-нибудь ты поймешь, Дилан, как же тебе повезло.

Зажмурившись, я стиснул кулаки, стараясь совладать с собой.

Мне бы очень хотелось сказать вам, что это в Эдгаре говорил его возраст, однако на самом деле он был таким почти всю свою жизнь. Этот вздорный ублюдок вечно отпускал злые шутки. Возьмите любой плохой эпитет – и он будет применим по отношению к Эдгару. Самовлюбленный эгоист. Расист. Женоненавистник. Я никогда не встречался со своей бабушкой, но я не сомневался в том, что он вел себя с ней отвратительно, и именно поэтому она собрала свои вещи и уехала в Калифорнию, даже не оставив записки.

Весь этот гнев, который испытывал Эдгар, прикрывал большую боль. И чувство вины. Его обвиняли в том, что совершил мой отец, и, уверен, в глубине души он также винил себя. Когда твой сын убивает свою жену, поневоле задаешься вопросом, что ты сам сделал не так. К тому же, когда обоих моих родителей не осталось в живых, Эдгару волей-неволей пришлось одному воспитывать мальчишку-подростка. Когда я переехал жить к нему, ему уже было за семьдесят. И я ему жизнь не упростил, это точно. Я был ранен, я был зол и ненавидел весь мир, и деда в том числе. И я позаботился о том, чтобы он это прочувствовал.

У нас получилось чертовски замечательное фамильное дерево. Эдгар. Мой отец. Я. Однако я не собирался стоять и молча выслушивать, как я должен радоваться, что Карли больше нет в живых.

– Я пойду немного прогуляюсь, – натянуто произнес я, проглотив нестерпимое желание наорать на деда. Мне просто требовалось уйти, иначе я мог сказать что-нибудь такое, о чем потом пожалел бы.

– Да, как хочешь. Потом съедим по сосиске в тесте, точно?

– Точно.

– Карли придет? – спросил Эдгар. – Она у нас хранительница домашнего очага.

Теперь это действительно был возраст Эдгара. Он уже успел забыть.

– Нет, – ответил я, не желая повторять еще раз страшные слова. – Нет, у Карли сегодня не получится.

– Жаль. Знаешь, ты не заслуживаешь такой девушки.

– Да, знаю.

Я оставил деда перед «Полуночниками». Я был больше не нужен ему. Бывало, он простаивал так часами, не отрывая взгляда от картины и рассказывая всем, кто оказывался рядом, историю Даниэля Каттона Рича.

У меня не было никакой цели. Мне просто требовалось дышать, а здесь это было трудно. В музее было многолюдно, туристы толпились перед такими обязательными для просмотра картинами, как «Американская готика» и «Кувшинки». Я бродил из одного крыла в другое, почти не останавливаясь, чувствуя тяжесть в груди. Зайдя в туалет, чтобы вымыть лицо, я открыл кран и обнаружил, что от одного только шума воды начинаю задыхаться. Даже тончайшая струйка отзывалась мучительной болью у меня в голове. Поспешно закрутив кран, я ухватился за раковину, чтобы удержать равновесие, и увидел в зеркале свое отражение: по-прежнему непроницаемое, абсолютно незнакомое лицо. Шатаясь, я вышел из туалета, взмокнув от пота.

Куда бы я ни ходил, люди пристально смотрели на меня. Такое у меня было ощущение. Мне казалось, что взгляды преследуют меня повсюду. Те, кто протискивался мимо меня, кто

преграждал мне дорогу, казалось, все они смотрели на меня, бормоча себе под нос: «Это он. Его жена умерла». Даже картины преследовали меня. Портрет Элизабет Тейлор кисти Уорхола⁴ заигрывал со мной своими алыми губами и синими тенями на веках. Младшая из двух сестер Ренуара с любопытством разглядывала меня из-под шляпки с цветами. Они были такими близкими, такими живыми, такими яркими, что я ждал, когда же они оживут.

Я знаю, что вы думаете. Меня охватил приступ паники. Вот объяснение тому, что произошло дальше. Мое горе, гнев на Эдгара, нехватка воздуха, мое лицо в зеркале – все это соединилось вместе, и я начал видеть то, чего здесь не было. Возможно, вы правы, но чувствовал я совсем другое.

Мне казалось, будто все это происходит в действительности.

Это было таким же реальным, как и когда я тонул в реке.

Я находился в зале с огромным шедевром «Воскресный день на острове Гранд-Жатт» Сёра⁵, выполненным в технике пуантилизма, десять футов в ширину, почти семь футов в высоту. Я видел это полотно уже тысячу раз, быть может, больше. Я мог бы пересказать детали по памяти: длинная трубка мужчины в трико, обезьянка с идеально закрученным хвостом, солнечные зонтики всевозможных цветов. Это одна из самых известных работ в коллекции музея, и я не мог приблизиться к ней из-за столпившихся посетителей, поэтому я остановился в конце галереи, глядя на полотно поверх голов тридцати с лишним человек, собравшихся перед ним. Они сами образовали что-то вроде «Гранд-Жатт» – разных возрастов, рас, роста, телосложения, все застыли, плененные восхитительным искусством.

И тут мой взгляд упал на мужчину, стоявшего спиной ко мне. Мое внимание привлекла его куртка.

Это была кожаная мотоциклетная куртка, черная, потертая, с параллельными швами на рукавах. Точно в такой же куртке был мой отец в ту ночь, когда мне было тринадцать лет. В ту ночь, которая разделила мою жизнь на «до» и «после». На протяжении многих лет я хранил эту куртку в шкафу, не в силах прикоснуться к ней, но также не в силах ее выбросить. Когда Карли перебралась ко мне, ей наконец удалось убедить меня в том, что настал час избавиться от куртки. Я ее сжег. Она превратилась в пепел. Ее больше не существовало.

Поэтому для меня явилось шоком увидеть перед картиной мужчину в точности такой же куртке.

Больше того, я вдруг осознал, что это *куртка моего отца*.

Присмотревшись внимательнее, я разглядел шоколадно-коричневые пятна крови. Она впиталась в кожу, став вечным напоминанием о той ночи, которая изменила мою жизнь. Поверьте, я давным-давно запомнил рисунок брызг крови, подобно тому как запомнил висящие в музее картины. Я бы никогда не смог их забыть.

Мужчина в куртке обернулся, показав свое лицо. У меня подогнулись колени. Я не мог стоять; мне пришлось ухватиться за стену, чтобы удержаться на ногах. Наши взгляды встретились сквозь десятки людей, снующих между нами. Незнакомец смотрел на меня; я смотрел на него. Он отреагировал. Он меня *узнал*. Его холодный стальной взгляд застыл на мне: хищник заметил добычу.

Это продолжалось всего одно мгновение, затем незнакомец равнодушно развернулся и скрылся в соседней галерее.

Но я успел его рассмотреть. Я рассмотрел *самого себя*.

Мой профиль. Мое лицо. Совсем как в реке. Это Дилан Моран разглядывал «Гранд-Жатт», одетый в куртку, обогренную кровью моих родителей. Шок нашей встречи парализовал

⁴ Уорхол, Энди (1928–1987) – американский художник, продюсер, дизайнер, писатель, издатель журналов и кинорежиссер.

⁵ Сёра, Жорж (1859–1891) – французский художник-импрессионист, создатель оригинального метода живописи под названием «пуантилизм».

меня, однако *он*, похоже, нисколько не удивился, увидев меня. Он словно ждал этого момента, ждал, когда я его найду.

Я встряхнулся, выходя из оцепенения, и оторвался от стены. Я направился через галерею, пробираясь между людьми, не понимающими нетерпение сумасшедшего, протискивающегося сквозь них. Мой двойник исчез, но я поспешил следом за ним в соседний зал, где остановился, высматривая его в толпе.

Где он?

Где я?

Однако человека, которого я видел, в зале не было. Он уже исчез.

Я продолжил поиски в следующем зале, в следующем и наконец сбежал по лестнице на первый этаж музея и выскочил на оживленную Мичиган-авеню. Я свалился на ступени рядом с одним из зеленых львов, смотрящих на улицу. Летний день был погожим и теплым. Со всех сторон меня окружали люди, однако среди них не было Дилана, мужчины в мотоциклетной куртке, моего полного двойника, издевающегося надо мной.

Я сидел на ступенях музея, делая глубокие вдохи и выдохи, словно насос. Я думал об Эдгаре, о его слабеющей памяти, рассудке, плавающем во времени и неспособном отличить действительность от видений.

Быть может, то же самое происходило и со мной.

Быть может, вот что чувствует человек, сходя с ума.

Глава 4

– Давление у тебя повышенное, – сказала доктор Тейт. – Как и пульс. Но это не удивительно. Все остальные показатели в норме. Что касается томограммы, я не вижу у тебя в головном мозге аномалий, которые объясняли бы то, что ты видишь. Ни опухолей, ни аневризм. Что хорошо.

– Я просто спятил, – сказал я.

Врач сочувственно улыбнулась:

– Ну, Дилан, так далеко я бы не стала заходить.

Встав с кресла на колесиках, она подошла к раковине, чтобы вымыть руки. Услышав шум воды, я вздрогнул. Я пришел в клинику на Ирвинг-Парк, к востоку от реки, без предварительной записи, зная, что Алисия Тейт всегда выкроит для меня время. Она знала меня с тех пор, как я в шестом классе познакомился с ее сыном Роско. После гибели моей матери Алисия стала для меня чем-то вроде приемной матери. Как и Эдгара, я принял ее в штыки. Теперь я мог оценить все то, что она сделала для меня, гораздо лучше, чем когда был враждебно настроенным подростком. Я также был признателен ей за то, что после гибели Роско в автомобильной аварии она не винила меня в его смерти.

Чего нельзя было сказать обо мне, потому что я определенно себя винил.

Я взял со стола фотографию Роско. Четыре года спустя у меня в голове по-прежнему звучал его голос; мне как никогда не доставало моего друга. На фотографии Роско не улыбался. Он вообще редко улыбался; и в детстве, и взрослым он оставался серьезным. В школе ему приходилось страдать из-за этого, так как он предпочитал проводить время с книгами, был маленького роста и черным. Сам я был не больше его, но Эдгар научил меня драться, и я без труда расправился с самыми здоровенными верзилами, пристававшими к Роско. После этого его больше не трогали, и мы с ним стали лучшими друзьями. Эта драка также явилась последним случаем, когда, как мне казалось, Роско требовалась от меня какая-то помощь. На самом деле именно он стал той незыблемой скалой, за которую я держался во время своих многочисленных взлетов и падений.

На фотографии Роско был в сутане священника, с белым воротничком. Круглый отличник, он мог бы пойти по стопам своей матери и стать врачом, однако он предпочел служить богу в католическом приходе в Саут-Сайде, где ему приходилось на каждом шагу сталкиваться с вооруженными бандами и наркоманами. Я нацепил оболочку крутого парня, но мой лучший друг – пять футов четыре дюйма, тощий, практически лысый, в вязаном свитере и старомодных очках с толстенными стеклами, похожими на бутылочные донышки, – был на самом деле гораздо круче меня.

Алисия снова села передо мной. Она обратила внимание на фотографию у меня в руках.

– Знаешь, я по-прежнему разговариваю с ним. От этого мне становится лучше. Если хочешь, ты тоже можешь.

Я поставил фотографию обратно на стол.

– В последнее время меня больше беспокоит то, что он начнет отвечать.

– Дилан, я правда не думаю, что ты сошел с ума.

– Тогда как все это объяснить? У меня определенно галлюцинации, но только они не похожи на галлюцинации. Я видел *себя самого*. Дважды. Я выглядел таким же осязаемым, из плоти и крови, как вы сейчас. Этот второй Дилан *реагировал* на меня. Он увидел меня, посмотрел как-то странно, словно несколько этому не удивился. Как такое возможно?

Алисия взяла мою руку. От ее кожи пахло антисептиком.

– Первый раз это случилось в реке, правильно? Когда ты переживал страшное, жуткое событие, с которым не должно сталкиваться ни одно человеческое существо. Ты едва не утонул сам и потерял любимую женщину, так?

Я молча кивнул.

– Второй раз это было сегодня в музее? И этот «ты» был в кожаной куртке, которая больше не существует в природе, – в куртке, которая была на твоём отце, когда он убил твою мать? Другими словами, *еще одно* страшное, жуткое событие, с которым не должно сталкиваться ни одно человеческое существо.

Я снова кивнул.

Алисия посмотрела на меня как на маленького ребенка:

– Дилан, мне правда нужно все объяснить?

– Ну хорошо, это был нервный срыв. Понимаю. Я все понимаю. Горе, утрата, стресс, шок. Мой рассудок дал сбой.

– Совершенно верно.

– Но почему именно таким образом? Почему я вижу самого себя?

– Этого я тебе не могу сказать. Человеческий мозг реагирует на психическую травму по-разному.

Я вспомнил афишу доктора Евы Брайер в танцевальном зале гостиницы. Она была совершенно незнакомым мне человеком, однако я с необычайной четкостью мог восстановить в памяти ее лицо.

– Ну, сегодня вечером в «Ласаль плаза» выступает одна женщина, считающая, что мы живем в бесконечном множестве параллельных вселенных. Так что, наверное, где-то там полно других Диланов Моранов. Быть может, кто-то из них решил нанести мне визит.

– Ты имеешь в виду теорию Множественных миров? – спросила Алисия.

– Вы о ней слышали? – удивленно вздрогнул я.

– Конечно. Как любой ученый.

– Она справедлива?

– Многие физики в нее верят, – пожала плечами Алисия.

– В параллельные вселенные? И как, черт возьми, это работает?

– Ну, это не моя область, но, насколько я понимаю, принципы квантовой механики образуют странный парадокс. Согласно им, элементарные частицы способны одновременно существовать в двух различных состояниях. Однако, когда бы мы на них ни посмотрели, мы увидим только одно состояние. Вот в чем проблема.

– Так, дайте-ка я сам скажу, – перебил ее я. – Это парадокс кота Шредингера.

– Я приятно удивлена, Дилан, – улыбнулась Алисия.

– Ну, я смотрел «Теорию большого взрыва».

– И ты прав. Эрвин Шредингер для объяснения парадокса использовал случай с котом. В ящике сидит кот с ампулой яда, который может распространиться или не распространиться в воздухе в зависимости от того, распадется ли один-единственный атом. Квантовая теория утверждает, что до тех пор, пока наблюдатель не откроет ящик и не проверит, кот *одновременно* и жив, и мертв. Вот только мы прекрасно понимаем, что это абсурд. В общем, ученый из Принстонского университета по имени Хью Эверетт предложил ответ: когда ящик открывается, вселенные расщепляются. Один наблюдатель видит кота по-прежнему живым, а в параллельной вселенной другой, в точности такой же наблюдатель, видит, что кот мертв. Это и есть теория Множественных миров.

– Это же какое-то безумие, – пробормотал я.

– Нет, если верить принципам квантовой механики. А они весьма основательные. Именно благодаря им у нас есть такие вещи, как атомная бомба.

– Ну, я не кот в ящике, так как же мне быть? – покачал головой я. – Я потерял все и вот теперь не могу даже доверять собственному рассудку.

– Постарайся не заикливаться на этом, – сказала Алисия. – Я не могу объяснить, почему с тобой происходит такое, но я надеюсь, что, по мере того как ты свыкнешься с горечью утраты, галлюцинации закончатся.

Мне хотелось поверить ей, но у меня перед глазами неумолимо возникал образ моего двойника из музея. Его лицо. *Мое* лицо. То, как он смотрел на меня.

– Знаете, что больше всего пугает меня в этом другом Дилане?

– Что?

– То, что я увидел у него в глазах. Я ощутил исходящее от него облако угрозы. Он способен на все. И он – это я.

– Дилан, он не ты. Его не существует в действительности.

– Я именно таким кажусь окружающим? Опасным?

– Нет. Вовсе нет.

– Шериф назвала меня человеком необузданным, – напомнил я.

– Ну, это не так.

Я снова взял со стола фотографию ее сына.

– Вы уверены? Алисия, будьте со мной откровенны. Мы ведь оба знаем, что Роско погиб из-за меня.

Я наконец протрезвел.

В четыре часа утра залог за меня был внесен, и Роско вез меня в клинику своей матери, где она уже ждала, чтобы сделать рентген и дать мне что-нибудь от боли. Я был уверен, что, когда я позвонил Роско, он крепко спал. Я знал, что день у него выдался трудный, потому что неподалеку от его церкви снова была перестрелка. В Чикаго всегда где-нибудь стреляют. Но Роско сказал, чтобы я не беспокоился: он обязательно за мной придет. И он приехал.

По дороге я почти ничего не сказал. Роско не принуждал меня говорить, по крайней мере сначала. Мы ехали по Монтроуз-авеню, встречая на всех перекрестках зеленый свет, и летающие в воздухе опавшие листья хлестали по лобовому стеклу. В эту холодную октябрьскую ночь в машине было тепло и уютно. Роско был в белом воротничке, положенном его сану, болтавшемся на его тощей шее. Он всегда надевал воротничок, когда ему предстояло общаться с полицией. Он говорил, что полицейские не любят спорить со священнослужителями.

– Ты скажешь мне, что произошло? – наконец спросил Роско, когда стало очевидно, что сам я не заговорю. Оторвав взгляд от дороги, он посмотрел на меня, спокойный и серьезный, как всегда. В его очках отражались огни фонарей. Даже в этот поздний час Роско был гладко выбрит, за исключением аккуратных усиков и бороды на подбородке.

– Ну же, дружище, – настаивал он. – Говори!

– Я перепил. Ввязался в драку.

– Ты несколько месяцев капли в рот не брал. С чего это ты вдруг сорвался с цепи?

– На работе было сущее безумие. Я как раз закончил дела с конференцией, которая продолжалась целую неделю. Возвращаться домой я был еще не готов, поэтому отправился в бар на Мейфэр.

– И это все?

Я долго молчал, перед тем как ответить:

– Ну хорошо, еще сегодня годовщина.

– Так, кажется, я начинаю понимать.

– Если бы я вернулся домой, я бы думал об этом, а вчера вечером мне этого не хотелось.

– Почему ты не позвонил мне? – покачал головой Роско.

– Мне нужно было разобраться со всем самому.

– Нет, не нужно. Сколько раз я уже говорил тебе это? Впрочем, неважно. Ты был один, ты напился. Что произошло дальше?

– Там в баре был один парень, – сказал я. – Он дерьмово обращался со своей подружкой. Я сказал, чтобы он от нее отвалил.

– Уверен, дальше все прошло гладко, – сказал Роско.

– Угу. Он выплеснул мне в лицо свой коктейль. Девушка сказала не лезть не в свое дело.

– И ты его ударил?

– Нет. Я сказал: «Спасибо, мне нужно умыться». И все. Они ушли. Я допил свой виски и вышел из бара, минут через пятнадцать. Но эти двое все еще стояли на улице и орали друг на друга. Я постарался не обращать на них внимания. Я стоял на автобусной остановке и не собирался вмешиваться.

– Но?

– Но он ударил ее, Роско! Этот подонок просто врезал женщине по лицу! И я не сдержался. Я подошел к нему и повалил его на землю. После чего сел на корточки и принялся выбивать из него душу. Так продолжалось до тех пор, пока не подросла полиция.

Какое-то время Роско молчал.

Он остановил машину, потому что впереди Монтроуз была перекрыта. Ночью в самом разгаре были строительные работы. Странно, когда вспоминаешь все мелочи, сыгравшие свою роль. Маленькие детали, изменившие всё. Если бы какой-то чиновник выбрал для строительства любой другой день, Роско остался бы жив. Если бы мы вместо Монтроуз поехали по Ирвинг-Парк, он остался бы жив.

И самое главное, если бы я в баре сохранил спокойствие, мой друг остался бы жив.

В двух кварталах от Хорнер-Парк Роско свернул в усыпанный опавшей листвой переулок. Мы поехали мимо убогих домов. По обеим сторонам стояли машины, загораживая нам обзор. Роско вел машину медленно, сосредоточенный на моем рассказе. Ему следовало быть внимательнее, но это была пустынная улица среди ночи.

– Я – это он, – сказал я.

– Кто?

– Мой отец.

Вздыхнув, Роско остановился на знак. О том перекрестке я запомнил только то, что угловой дом был выставлен на продажу. Здание из золотистого камня, на лужайке перед ним стоял плакат.

«Чанс недвижимости»

Я запомнил это, поскольку этот плакат заставил меня подумать о случае⁶. Случай правит всем. Случай решает, кто будет жить, а кто умрет.

– Я – это он, – повторил я. – В ту ночь мой отец потерял контроль над собой. То же самое происходит со мной.

Роско шумно вздохнул. Я никак не мог знать, что для него это был практически последний вдох.

– Почему? – спросил он.

– Что?

– Почему ты напал на того парня? Почему подошел к нему?

– Потому что он ударил свою девушку.

– Вот именно.

⁶ chance – случай (англ.).

Роско поставил ногу на педаль газа и выехал на перекресток. Его мысли были заняты другим, и он забыл посмотреть вправо. Если бы он посмотрел, то увидел бы свет фар грузовика, который мчался по улице с односторонним движением и проскочил знак, требующий обязательной остановки. Я был погружен в собственный мир и также не увидел грузовик.

– Дружище, ты не твой отец, – сказал Роско.

Это было последним, что я запомнил до того, как очнулся и увидел лицо Карли.

Глава 5

Вот как мы с ней познакомились.

На рябине у перекрестка до сих пор оставались следы аварии. Грузовик ударил нас с такой силой, что машину Роско выбросило через бордюр и закрутило вокруг дерева. Я провел пальцами по неровным шрамам на коре – единственному свидетельству того, что здесь произошло что-то страшное.

На самом деле я не собирался сюда возвращаться, однако кабинет Алисии находился неподалеку. Стемнело, и мне в лицо хлестал дождь. Я поднял взгляд на старое здание на углу. То самое здание, которое тогда было выставлено на продажу, и Карли им занималась. Это была одна из первых ее сделок. Ей только-только исполнилось двадцать пять лет, и она была полна решимости выручить максимальную цену, чтобы произвести впечатление на свою мать. Карли заработалась допоздна в пустой квартире и заснула, ее разбудил шум аварии. Она сбежала вниз, выскочила на улицу и обнаружила в машине меня, окровавленного, с множественными переломами.

Эта прекрасная незнакомка пообещала не бросать меня, и она сдержала свое слово.

Карли сопровождала меня в карете «Скорой помощи». Она оставалась со мной в больничной палате, а затем ухаживала за мной уже у себя дома. На протяжении нескольких недель она собирала воедино осколки человека, виновного себя в гибели своего лучшего друга. Я влюбился в нее практически сразу же, но не мог понять, почему и она полюбила меня. Чем ближе мне она становилась, тем настойчивее я гнал ее прочь от себя.

В своей жизни я совершил слишком много ошибок, сделал слишком много неправильных выборов. В глубине души я считал, что эти неправильные выборы совершенно незаслуженно привели меня к такому ангелу, как Карли. Я ждал, что рано или поздно она разглядит мою истинную сущность, и это станет концом наших отношений. Когда Карли переспала со Скотти Райаном, я решил, что она наконец доказала мою правоту. Я не желал никаких объяснений. На протяжении всех выходных, проведенных за городом, я упорно отказывался ее слушать.

До самой последней ночи. До ее последних слов.

Мы уже собрались возвращаться домой. Вещи лежали в машине, начинался проливной дождь, наш брак был в руинах. Карли остановила меня у двери и спросила обреченным голосом:

– Можно я кое-что скажу?

Я ничего не ответил. Я просто ждал.

– Дилан, ты никогда не спрашивал у меня, что я увидела в тебе тогда, после аварии, но если между нами действительно все кончено, я хочу, чтобы ты знал правду. С того самого момента, как мы встретились, я поняла, что мы с тобой абсолютно одинаковые... – Нет, не перебивай, дай мне закончить. Знаю, что ты в это не веришь, потому что у тебя какое-то странное, извращенное представление о себе. Но мы одинаковые. Мы оба выросли в клетках, которые сами для себя построили. И когда я встретила тебя, я подумала, что вот мужчина, который поможет мне стать тем, кем я хотела бы стать, и я смогу сделать то же самое для него. И я по-прежнему думаю так же. Все дело в том, Дилан, что я готова. Я не могу больше ждать. Меня не устраивает моя жизнь, не из-за тебя, но потому, что мне нужно быть кем-то другим. Если потребуется, я сделаю это без тебя, но я бы предпочла сделать это с тобой. И в глубине души я думаю, что ты также этого хочешь. И вот мой вопрос: ты готов попробовать?

Это был хороший вопрос.

Это был очень хороший вопрос, и я знал, что я хотел ответить. Я хотел подняться над переполняющей меня злостью – на Карли, на весь мир, но по большей части на себя самого. Карли было нужно, чтобы я ее простил, и мне тоже это было необходимо. Однако вместо этого

я подвел нас обоих. Это была очередная моя ошибка, очередной неправильный выбор. Мне нужно было поцеловать Карли прямо там, но вместо этого я прошел мимо нее и сел в машину. Вот как получилось, что мы ехали под дождем в ту ночь, разделенные горечью молчания.

Понимаете, бывают в жизни мгновения, которые хочется забрать назад сразу же, как только они происходят, однако часы тикают, и они остаются. Ты сделал свой выбор, и вот уже все совершенно другое.

Когда я наконец созрел для того, чтобы поведать Карли о своих чувствах, мы уже были в воде.

Я не мог оставаться на месте аварии ни минуты дольше. Я направился по переулку к зеленым лужайкам Хорнер-Парка, который знал с детства. При этом я выяснил, что моей жизнью по-прежнему правит Случай, с прописной «С», поскольку через квартал, напротив баскетбольных площадок парка, заметил двухэтажное здание со знакомой красной с черным табличкой во дворе. Здание было выставлено на продажу, и занималась им другой агент из «Чанс недвижимости», с которой я встречался пару раз.

Однако мне не было до этого дела.

Вместо этого мой взгляд остановился на белом грузовичке, стоящем у обочины. На двери была эмблема строительной компании «Райан констракшн».

Скотти Райан.

Он находился в здании.

Я услышал в голове рев, гулкий стук пустившегося во весь опор сердца. Я весь день капли в рот не брал, поэтому не было оправданий совершать глупую ошибку. Ничем хорошим наша встреча окончиться не могла.

Неважно. Я не мог остановиться. Я свернул к зданию и задержался перед забором из белого штакетника. В здании недавно был проведен ремонт: стены сверкали свежей краской, в ящиках на окнах росли цветы. Входная дверь была открыта, и изнутри доносилось завывание циркулярной пилы. Здравый смысл подал мне очень четкий сигнал уходить прочь, однако сердце этот сигнал проигнорировало. Я прошел за ограду и направился к крыльцу. Задержавшись на мгновение, я шагнул внутрь.

В прихожей стоял сладковатый запах свежих опилок. Пол в гостиной был застелен пленкой. Шум пилы оглушил меня, но затем он оборвался, оставив гулкую тишину. Скотти Райан стоял за пилой, изучая только что распиленный длинный дубовый брус. Он увидел меня.

Все его тело напряглось. Оправившись от первого потрясения, Скотти снял защитные наушники, очки и перчатки. Он был в джинсах и рабочих башмаках, со свободной майкой на длинном теле. Его руки были покрыты тонким слоем опилок.

– Привет, Дилан, – сказал он.

– Здравствуй, Скотти.

Мы стояли в противоположных концах комнаты, глядя друг на друга. Наше противостояние напоминало встречу двух собак, рычащих друг на друга в переулке.

Скотти Райану было сорок лет, то есть он был почти на десять лет старше меня. И на полфута выше, гибкий, чуть ли не резиновый. У него были рыжеватые выщипанные волосы, а лицо обгорело от постоянного пребывания на солнце. Он говорил, растягивая гласные, и слова выливались из него медленно, словно мед из банки. Скотти обладал веселым, жизнерадостным характером, и трудно было его не любить, но, поверьте, я нашел способ.

– Я глубоко скорблю, – сказал Скотти, что заняло много времени. – Ты даже не представляешь, как я скорблю.

– Иного трудно было ожидать.

Мой словесный удар скатился с него, не причинив никакого вреда. Он провел ладонью по своим густым волосам, и я увидел у него на лице блестящую пленку пота.

– Я не могу поверить в то, что ее больше нет. Я сокрушен. Уверен, ты испытываешь то же самое.

– Ого! Ты так думаешь?

Скотти пожал своими широченными плечами:

– Послушай, Дилан, тебя трудно понять. Карли всегда говорила, что ты держишь свои чувства под замком. Никогда ей ничего не показывал. Это сводило ее с ума. Без обид.

Потому что добавление «без обид» исправило резкость предыдущих слов – и это от мужчины, переспавшего с моей женой!

– У меня к тебе один вопрос, Скотти.

– Да? И какой?

– Как давно ты влюблен в Карли? Как долго ты скрывал эту тайну?

Скотти потер свой квадратный подбородок, не торопясь отвечать, как всегда.

– Дилан, может быть, не надо это сейчас?

– *Как давно?*

– О, не знаю. Наверное, с нашей первой встречи. Я познакомился с ней гораздо раньше, чем ты. Наверное, ей тогда было лет восемнадцать, но я никогда не считал ее маленькой. Карли была такая умная, такая уверенная в себе. Я понимал, что не ровня ей, но, пожалуй, да, я втюрился в нее с самого первого дня. Хотя и никогда не собирался давать ход своему чувству.

– А может быть, ты просто выжидал. Выжидал, когда Карли станет наиболее уязвимой.

– Клянусь, все было совсем не так. Все произошло иначе.

– Так как же все произошло?

Я приблизился к нему на два шага. Пленка зашуршала под моими ногами. Скотти с опаской следил за мной, словно боксер на ринге.

– Слушай, что еще тебе нужно? Уверен, Карли уже просветила тебя. Она позвонила мне и сказала, что собирается все тебе рассказать.

– Ты *говорил* с ней? Ты шутишь? Когда?

– На следующий день, – признался Скотти. – Карли была расстроена, винила себя, говорила, что не представляет себе, как могла совершить такую глупую ошибку. Она собиралась сказать тебе правду и хотела предупредить меня. Я тщетно пытался убедить ее промолчать и не разбивать из-за этого ваш брак. Поверь, я понимал, что Карли не собирается бросать тебя ради меня. Тут все было иначе. Что бы ни значила эта ночь для меня, для нее это была лишь пьяная ошибка. Ты должен это понимать. Сам ты с лихвой совершал подобные ошибки, я не прав?

Я не заглотил приманку.

– Подробности, Скотти. Как это произошло?

– Я не знаю, Дилан, что тебе сказать, – покачал головой Скотти. – Мы с Карли давно были друзьями, и для меня это действительно было нечто большее. Если она и знала о моих чувствах, то ничего не говорила, чтобы меня не смущать. Но последние несколько месяцев Карли начала говорить со мной о личном. Откровенничать о своих проблемах. Ей нужно было кому-то высказаться, потому что ты ее не слушал.

– И тут так кстати подвернулся ты, подставил плечо, в которое можно выплакаться.

– Ты думаешь, Карли одна обратилась за помощью к кому-то другому? Она говорила, ты рассказываешь своей помощнице Тай гораздо больше, чем когда-либо рассказывал ей.

Мне показалось, я получил пощечину.

– Между мной и Тай ничего не было. Никогда не было! И Карли это знала.

– Знала ли?

– Не пытайся свалить вину на меня!

– Я и не пытаюсь. – Закатив глаза, Скотти уставился на потолок. – Честное слово, дружище, даже не пытаюсь. Я просто говорю, как есть. Ты бежал по жизни очень быстро и не замечал, что Карли хочет сбавить скорость. Она собиралась уйти с работы, Дилан. Сказать своей матери, что больше не желает иметь дела с недвижимостью. Карли всегда была больше похожа на своего отца, чем на мать, – ты сам это знаешь. Любительница книг. Поэт. Карли была готова завести детей. Этого она хотела больше всего на свете, но она боялась, что ты никогда на это не пойдешь. Это глодало ее изнутри.

– Я никогда не говорил ей ничего подобного!

– Мне нет дела до того, что говорил ты. Я передаю тебе то, что слышала Карли. Тот вечер? У нас с ней? Она нашла покупателя на то здание в Шомбурге, мы закончили там ремонт. Я откупорил бутылку шампанского, чтобы отметить это событие, и да, мы выпили больше, чем нужно. Но если бы дело было только в этом, ничего бы не произошло. Вот только чем больше Карли пила, тем больше она говорила о том, что хочет другой жизни и не знает, как тебе об этом сказать. Она *ни в чем* тебя не винила, если ты так думаешь. Она просто была расстроена и расплакалась. Я ее обнял. Я хотел ее утешить, но одно потянуло за собой другое. Никто изначально этого не планировал, и Карли *возненавидела* себя за то, что допустила такое. Ты можешь верить или не верить, но я также сожалею о случившемся.

Теперь мне уже не нужна была выпивка, чтобы потерять над собой контроль.

– Это *ты* ее убил! – бросил я. – Карли погибла из-за тебя. По твоей вине мы оказались в этой глуши!

Спокойное лицо Скотти затвердело, наполняясь гневом. Нервы у нас обоих были натянуты до предела.

– Слушай, ты можешь винить меня в ее измене. Это я готов принять на себя. Но я не имею никакого отношения к ее гибели. Если ты хочешь найти виновного, посмотри в зеркало.

– Что ты хочешь сказать, черт побери?

– А то! *Что* произошло в реке, Дилан? Объясни. Скажи правду. Почему ты жив, а Карли умерла?

– Я пытался ее *спасти!* Вот что произошло!

Скотти открыл было рот, затем снова закрыл. Его загорелые щеки покраснели еще больше, словно в нем закипал пар.

– Ты хочешь мне что-то сказать? – спросил я.

– Нет.

– Не держи это в себе, Скотти. Выкладывай!

Он шагнул вперед, вторгаясь в мое пространство, его багровое лицо оказалось в каких-то дюймах от моего лица. Голос наполнился ревом.

– Чудесно. Ты хочешь, чтобы я высказался? Хорошо, я выскажусь. Это *ты* должен был умереть там. Если бы в той машине был я, я ни за что не выплыл бы из реки без Карли. Мы оба или остались бы в живых, или погибли. Но я ни за что не допустил бы, чтобы она погибла одна!

Моя левая рука взлетела вверх. Я даже не почувствовал, как это произошло. Я никогда ничего не чувствую, когда теряю самообладание. Моя рука ракетой метнулась слева вправо, кулак врезался Скотти в лицо. Это было все равно что ударить бетонную стену. Из его губ и носа брызнула кровь, и я ощутил дрожь, ножом вспоровшую мне предплечье. Мне показалось, я сломал себе пальцы. Голова Скотти дернулась вбок, он отшатнулся назад, выплевывая выбитый зуб, словно зерно попкорна.

Я напрягся, ожидая, что он набросится на меня. Здоровенный и сильный, он при желании мог бы меня измочалить. Подспудно я надеялся на это. Я хотел ощущать боль от его кулаков до тех пор, пока не окажусь без сознания на полу. Я заслуживал наказания. Я снова потерпел неудачу и, похоже, был обречен снова и снова переживать этот проигрыш. Стоило мне закрыть глаза, как я опять оказывался в воде, плыл сквозь мрак, пытаюсь найти машину, в которой,

как в ловушке, застряла Карли. Я должен был ее найти. Я должен был ее спасти. Я нырял, плавал под водой и искал, однако каждая хрупкая секунда утаскивала ее все дальше от меня. Ее голос перестал звать меня по имени. Ее крики затихли. Оставалась только жуткая тишина у меня в голове, наполненная чувством вины и смертью. Карли погибла. Моей жены больше нет в живых.

Я ударил Скотти, так как понимал, что он прав.

Я оставил Карли умирать в одиночестве.

Когда стало очевидно, что Скотти не станет со мной драться, я покинул здание, растирая разбитую, окровавленную руку. Меня переполняла смесь адреналина и отчаяния. На улице я встретил пожилую женщину, выгуливающую собачку. Она окинула меня подозрительным взглядом и заметила кровь на пальцах.

– Все в порядке? – спросила она.

– Все замечательно.

– Я слышала громкие голоса. Спор.

– Не обращайтесь внимания.

– Может быть, следует вызвать полицию?

– Все в порядке, мэм, – заверил ее я, направляясь дальше.

– У нас хороший район! – окликнула меня женщина, и в ее голосе прозвучало осуждение. – Мы не потерпим у себя такое! Драться нельзя!

Я ничего ей не ответил. Я пересек оживленную улицу и оказался в Хорнер-Парке, на сырой траве бейсбольной площадки. В детстве я часто приходил сюда. Мы с Роско перебрасывались мячом и валяли друг друга в грязи. Мы говорили о том, чтобы играть в полузащите «Медведей», и поверьте, в этой команде бывали игроки и похуже.

Морозящий дождик превратился в настоящий ливень, и я, стоя на газоне, промок до нитки. Я поморщился, ощутив резкое жжение в руке. Мои пальцы онемели, и мне с трудом удалось ими пошевелить.

«Шериф назвала меня человеком необузданным».

«Ну, это не так».

Однако все мое прошлое говорило об обратном.

Впереди показалась цепочка, обозначающая границу парка вдоль узкой ленты Чикаго-ривер. Забор ограждал берег реки, не позволяя детям упасть в воду. На самом деле от него не было никакого толку. Подростками мы с Роско обследовали оба берега реки, играя в разбойников, бросая в воду камни, охотясь на крыс. Сегодня, под проливным дождем, я дошел до самого забора, взялся за него обеими руками и, закрыв глаза, прижался лбом к железной сетке.

Я даже представить себе не мог, что без Роско, без Карли буду чувствовать себя таким одиноким. Они ушли в другие миры, а я по-прежнему оставался здесь. Однако, когда я снова открыл глаза, осознал, что я больше не один.

Рядом со мной был он.

Я не могу вам объяснить, *как* я это понял. Я не слышал шаги по тропе. Никого не видел. Со всех сторон меня обступали деревья, и серое пасмурное небо создавало впечатление сумерек. Какой-нибудь незнакомец мог стоять в шести шагах от меня, и я бы его не заметил. Но кто-то находился по ту сторону ограды, прячась на берегу реки, как в детстве делал я. Словно он знал, что я приду именно сюда. Я постарался проявить выдержку, стоять молча, как изваяние, и посмотреть, не выдаст ли он себя.

Он вернулся. *Я* вернулся.

Мой двойник.

Я всмотрелся в заросли, стараясь различить в тенях какое-то движение. Я видел похожие на застывших по стойке смирно солдат стволы деревьев, и среди них я наконец разглядел темный силуэт, чужеродный. Человек. Я еще никогда не был так близко от него. Нас разделяло всего несколько шагов. Я также почувствовал, как это было и в музее, что дело не только во мне. *Он* тоже знал, что я здесь. Знал о моем присутствии, точно так же как я знал о его. Мы были связаны между собой. И я чувствовал исходящую от него ауру садистской ярости. Кажется, я передал этой тени всю свою злобу, всю свою горечь, все свое раздражение.

Я оглянулся по сторонам, убеждаясь, что поблизости никого нет. Только он и я. Моя галлюцинация. Мой психический срыв.

– Я знаю, что ты там, – негромко окликнул я его. После чего добавил: – Говори со мной!

Я подождал ответа, не ожидая его получить. Галлюцинации не разговаривают. И все-таки, обратившись к нему, я почувствовал себя так, словно прыгнул в кроличью нору⁷, понятия не имея, куда она меня приведет.

– Кто ты такой? – спросил я.

Ответа по-прежнему не было. Тишина вокруг нарушалась лишь размеренным стуком капель дождя по листьям.

Затем, словно ожила статуя, из темноты донесся голос. *Мой* голос, словно меня передавали по радио, когда не веришь, что именно таким слышат твой голос все окружающие.

– *Я – это ты.*

Я отпрянул назад, не в силах поверить собственным ушам. Неужели я действительно это услышал? Нет, этого не могло быть. Алисия заверила меня: его не существует в действительности. Это работа моего воспаленного воображения, мои воспоминания играют со мной злую шутку. Меня передернуло. Я вонзил пальцы в голову, словно стремясь выдавить из нее то, что говорил мне рассудок. Мои глаза заморгали часто-часто. Я бросился к ограде и вцепился в нее, словно узник в прутья решетки своей камеры.

– Чего ты хочешь? – шепотом спросил я.

Опять же долгое время единственным звуком был стук дождя. Своим молчанием он растягивал мои мучения. У меня затеплилась надежда, что я проснусь и пойму, что все это было кошмарным сном. Ко мне снова вернется рассудок. Я окажусь в своей кровати, рядом будет Карли, а все предыдущие дни растают как дым. Но я стоял там, промокший насквозь, продрогший до мозга костей, а кошмарный сон не проходил.

Он становился только еще чернее.

– Зачем ты здесь? – крикнул я. – Говори!

На этот раз моя тень ответила. Двойник прошептал из деревьев:

– *Чтобы убивать.*

⁷ Аллюзия на сказку «Алиса в Стране чудес» английского писателя Льюиса Кэрролла: прыгнув в кроличью нору, Алиса оказалась в неведомом волшебном мире.

Глава 6

Я бросился бежать.

Я бежал, не оглядываясь на реку. Я несся по сырым лужайкам парка, петляя наугад по переулкам, словно человек, которого преследуют, и наконец вскочил в первый проезжавший мимо автобус. Мне было наплевать на то, куда он едет. Он увозил меня прочь, а только это и было мне нужно. Наконец я вышел и пересел на другой автобус, затем снова сделал пересадку. Прошло много времени, прежде чем я вернулся в гостиницу. Я быстро прошел через фойе, не сказав никому ни слова, и стал ждать лифт, борясь с дрожью. Когда двери открылись, я напрягся, не зная, что увижу в кабине. То же самое было, когда я поднялся на свой этаж.

Я ожидал увидеть *его*. Себя.

Наконец, оказавшись в своем номере, я запер дверь на засов. У меня даже мелькнула мысль придвинуть к ней кресло, чтобы ее точно нельзя было открыть. С гулко стучащим сердцем я расхаживал от стены к стене, не в силах остановиться, не в силах успокоиться. Когда зазвонил телефон, я буквально подскочил на месте. Я не стал снимать трубку, и через какое-то время звонки прекратились, но через несколько секунд начались снова. На этот раз я снял трубку, но не назвал себя. Я нервно ждал услышать, кто мне звонит, и вздохнул от облегчения, когда в трубке раздался голос Тай.

– Привет, – сказала она. – Как ты?

– Замечательно. Все в порядке.

– Я звонила несколько раз, но никто не отвечал. Я начала беспокоиться. Я попросила дежурного администратора предупредить меня, когда ты вернешься.

– Я выходил на улицу, – сказал я, не вдаваясь в подробности.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Нет. Спасибо.

Тай помолчала, тихо дыша в трубку.

– Ну, я на сегодня почти закончила. Скоро возвращаюсь домой. Все готово к выступлению Евы Брайер. Нашей повелительницы бесконечных миров. Сегодня вечером она читает лекцию в танцевальном зале.

– Я помню.

– С тобой точно все в порядке? Голос у тебя какой-то напряженный.

И правда, я был напряжен. Вся моя жизнь разлеталась на куски, словно мозаика-пазл, но я не мог сказать Тай, в чем дело. Я даже не мог объяснить это самому себе.

– Со мной все в порядке, Тай. День у тебя выдался напряженный. Поезжай домой.

– Хорошо.

Но она медлила, не вешая трубку.

– Ты не хочешь, чтобы я составила тебе компанию? – после долгого молчания сказала она. – Меня дома не ждет никто, кроме заказа из ресторана и видео. У меня осталась бутылка пино-гри, которую нам подарили Уокеры. Я могу ее захватить, и мы поболтаем. Или помолчим. Если ты хочешь просто пить вино и смотреть на озеро, мы можем и это.

– Не сегодня.

– Послушай, я понимаю, тебе кажется, что лучше побыть одному, но это не всегда правильно. Иногда становится лучше, когда рядом друг. Кто-нибудь теплый, кому не все равно. – Как будто этих слов было недостаточно, Тай добавила: – Дилан, если хочешь, я смогу остаться на всю ночь. Как друг. Только и всего. Я правда ничего не жду. Но если тебе нужен близкий человек, я здесь.

Я колебался. Не потому, что когда-либо испытывал влечение к Тай, не потому, что хотел секса, а потому, что мне понравилась мысль иметь рядом настоящего человека, который поможет мне сохранить рассудок. Я боялся одиночества и того, что последует дальше.

Слушая Тай, я также чувствовал себя полным дураком за то, что не разглядел раньше ее намерений. Карли была права, как обычно. Я на протяжении месяцев выкладывал Тай свои тайны, потому что это казалось безопасным, однако на самом деле ничего безопасного в этом не было.

– Я ценю твое предложение, – наконец сказал я в трубку, – но ты вряд ли будешь рада моему обществу.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

Ее разочарование было буквально осязаемым.

– Что ж, дверь всегда открыта, Дилан. Если передумаешь, позвони. Или приезжай ко мне. Я не хочу, чтобы ты считал себя никому не нужным.

– Спасибо, Тай.

Я положил трубку. В номере было тихо, лишь ворчащий белый шум вентилятора, гонящего теплый воздух. Я прибавил температуру, но мне по-прежнему было холодно, потому что одежда моя промокла насквозь. Я разделся и остался стоять в темноте, ежась от холода. Я уже купил в баре бутылку бурбона и сейчас откупорил ее и налил себе стакан, не разбавляя. Янтарная жидкость протекла огнем по горлу в желудок, и по всему телу разлилось тепло. Взяв стакан, я подошел к окну и посмотрел на город, уже погружившийся в ночь. Вдалеке виднелись золотые огни фонтана, сияние жилых домов на набережной и калейдоскоп огромного колеса обозрения на Военно-морской пристани.

Где он?

Кто он, человек, порожденный моим сознанием? И сейчас он где-то там, в темноте, заглядывает ко мне в окно?

Я не понимал, что со мной происходит. Мне хотелось, чтобы вернулась моя прежняя жизнь, такая, какой она была. Хотелось, чтобы рядом лежала Карли, обнаженная, прижимаясь ко мне сзади, положив подбородок мне на плечо. Закрывая глаза, я чувствовал ее здесь. Слышал ее шепот. Я повернусь, мы поцелуемся, в наших глазах заблестит страсть, и мы сплетемся в объятиях, растворимся друг в друге под беззвучный неудержимый смех.

Сколько таких мгновений было у нас!

Больше их никогда не будет.

Я выпил еще бурбона, однако мое тело оставалось холодным. После того как опустел третий стакан, я прошел в ванную и открыл кран с обжигающим кипятком. Когда ванна наполнилась, я улегся в нее, подставляя кожу горячей воде. Я наполнил ванну до предела, после чего погрузился в воду с головой, и горячая прозрачная вода стала черной, как ночь, моя кожа ощутила прикосновение липкой грязи, а моя жена закричала, призывая меня на помощь:

«Дилан, найди меня! Я еще здесь!»

Если я утону, то снова окажусь рядом со своей женой. Но мое тело предало меня. Когда у меня в легких закончился воздух, я метнулся вверх. Мое лицо вырвалось из воды, и я сделал судорожный вдох, кашляя и отплеываясь. Выдернув из слива пробку, я слушал громкое чавкающее бульканье вытекающей воды. Когда ванна опустела и мне снова стало холодно, я наконец вылез из нее и вернулся в спальню.

Мне нужно было поговорить с кем-нибудь обо всем этом. О своем горе и своих галлюцинациях. Мне были нужны ответы.

Вдруг до меня дошло, что в гостинице есть человек, который сможет помочь. Доктор Ева Брайер – писатель, философ и психолог – находится внизу, и, если верить Тай, она меня знает, даже несмотря на то, что я ее не помнил. Я хотел понять, как такое возможно.

«Ты ее не знаешь?»

«Нет».

«Странно. Она мне сказала, что выбрала нашу гостиницу по твоей рекомендации».

Я снова оделся. Я надел темно-синий блейзер и черные брюки, разыгрывая роль менеджера по организации мероприятий гостиницы. Убедившись в том, что побрит, я почистил зубы и отправил в рот несколько мятных леденцов, скрывая запах бурбона, после чего направился к лифту.

В золотом танцевальном зале гостиницы есть балкон второго яруса, огибающий буквой «U» это просторное помещение. Оттуда можно наблюдать за свадебными танцами внизу, опираясь на резные перила, чувствуя себя вельможами при дворе Людовика XIV в напудренных париках. Я прошел туда через служебный вход и остановился сзади, не привлекая к себе внимания. Сегодня на балконе никого не было. Все действие происходило внизу, в полумраке танцевального зала, где несколько сотен собравшихся внимательно слушали женщину на освещенной сцене.

Доктор Брайер была во всем черном. Черный костюм, черные туфли на шпильках. В ярком свете софитов ее голова казалась чуть ли не отъединенной от остального тела, а руки мелькали, словно порхающие птички. Когда она проходила из одного конца сцены в другой, ее волосы колыхались волнами. Отраженный блеск ее золотистых глаз казался двумя далекими самоцветами. Ее голос, усиленный микрофоном, обладал мелодичным сладкозвучием, своеобразной медовой певучестью, способной заворочить или совратить слушателей, в зависимости от того, что ей хотелось. Он творил чудеса. Кажется, я никогда не слышал в нашем танцевальном зале такой мертвой тишины, как в этот момент. Доктор Брайер заставила сотни людей затаить дыхание.

– *Задумайтесь* над тем, что это значит, – говорила она им, растягивая слова выразительными паузами. – Если мы примем теорию Множественных миров как истинную, тогда получится, что наша вселенная постоянно воспроизводит себя, атом за атомом, мгновение за мгновением, выбор за выбором. Каждый возможный исход любого события существует в своем собственном обособленном мире. Все мы медленно ползем вдоль единственной одинокой хрупкой ветви дерева, которое бесконечно разрастается с каждой наносекундой. Когда я сегодня выйду из танцевального зала, я поверну налево, но я также поверну направо. Я поеду домой, и я не поеду домой. Я поцелую своего мужа, и я дам ему пощечину, и я займусь с ним сексом, и я всажу нож ему в сердце. В своем сознании я ощущаю лишь *один* из этих исходов, потому что я нахожусь на одной ветке дерева. Но теория Множественных миров говорит нам, что *все* эти события происходят в параллельных вселенных.

Ева Брайер помолчала.

– Разумеется, мой муж надеется, что я ночью буду лежать вместе с ним в постели, а не вытирать кровь с ножа.

По аудитории пробежала волна смеха.

– На самом деле я не замужем, – продолжала доктор Брайер. – По крайней мере, в этой жизни. Однако в мириадах других миров у меня есть муж. В других мирах я не психолог; я актриса, я полицейский, я бездомная наркоманка. В каких-то мирах меня нет в живых; я умерла. И то же самое с вами. Существует бесконечное множество ваших копий в бесконечных мирах, и они принимают те решения, которые не приняли вы в этой жизни. Вот что гласит эта теория.

Она остановилась посреди сцены.

– Все это безумие? Бред сумасшедших ученых, отчаянно пытающихся объяснить, почему их стройные теории не работают в реальном мире? Что ж, возможно, это так. А может быть, наше видение вселенной просто ограничено тем, что мы можем видеть. До тех пор, пока не появился микроскоп и мы не смогли взглянуть на каплю крови, никто не поверил бы в то, что в

ней живет такое количество других миров. Миллионы живых клеток внутри одной-единственной капли крови! Невозможно! Однако теперь мы знаем, что это правда. Так что является ли теория Множественных миров абсурдной? Или нам просто нужен хороший микроскоп?

Было в этой женщине что-то магнетическое. Она обращалась не ко всей аудитории в целом. Она разговаривала с каждым присутствующим в зале. Один на один. Лично. А может быть, она просто говорила со *мною*, потому что именно так мне казалось. Стоя на балконе, я словно один присутствовал во всем огромном помещении. Я чувствовал, как Ева Брайер наблюдает за мной. Пристально смотрит на меня. Направляет мне все свои замечания и мысли. Я был готов к тому, что она обратится ко мне по имени:

«Дилан, ты не одинок. Ты являешься частью многих миров.

Ты бесконечен».

– Философы заимствуют идеи у физиков и создают свои собственные теории, – продолжала доктор Брайер. – Они называют это Множественными сознаниями. Их теория заключается в том, что все эти бесконечные выборы, все эти параллельные жизни реально существуют – но не в большой обширной вселенной, а в отдельном рассудке каждого из нас. Это мы подобно амебам делимся снова и снова. По-прежнему звучит безумием? Что ж, подумайте о своих сновидениях. Сновидения – это многогранный, сложный мир, который наш мозг создает *мгновенно*. Все эти поразительные подробности посвящены тому, чтобы построить фантастическое место, которому суждено существовать лишь несколько мгновений сна, и посетить его еще раз невозможно. Если человеческий мозг способен делать так ночь за ночью, ночь за ночью, может быть, не так уж странно предположить, что он может создавать также и параллельные миры. Нет, для меня главный вопрос не в том, *возможно* ли такое. Вопрос стоит так: какое это отношение имеет ко мне, к вам, к нашим жизням? К нашей единственной веточке дерева? Имеет ли это какое-либо значение, если все это чистая теория? Потому что, хотя физики и философы мало в чем сходятся, в одном их мнение совпадает. Неважно, с чем мы имеем дело, – с многими мирами или многими сознаниями; мы застряли на своей ветке. Изолированные. Бессильные. Каждая наша версия живет в своем собственном отдельном мире, и мы не можем посетить эти другие вселенные.

Доктор Брайер остановилась, давая возможность впитать все это. Она отпила глоток из бутылки, стоящей на табурете посреди сцены. Перед тем как она снова начала говорить, я опять увидел это. Ее взгляд упал на балкон.

Она посмотрела прямо на меня:

– *Или можем?*

После окончания лекции я встал в длинную очередь тех, кто хотел поговорить с доктором Брайер. Все это мероприятие было устроено ради продажи книг. Ева Брайер написала книгу из серии «помоги себе сам», воспользовавшись в качестве крючка теорией Множественных миров и Множественных сознаний, чтобы придать ей сексуальный оборот. Главная мысль заключалась в том, чтобы научить людей улучшать свою жизнь, показав им, как «посетить» альтернативные выборы, сделанные ими в параллельных мирах.

По-прежнему ломаете голову, нужно ли было предлагать однокурснице выйти за вас замуж? Представьте себе свою версию, живущую в том мире.

Никак не можете решить, стоит ли переходить на новую работу? Где-то в бескрайней вселенной вы это сделаете. И как будет выглядеть ваша жизнь?

Я понимал, в чем притягательность этой теории. Меня самого привлекала мысль, что где-то существует вселенная, в которой я не упал в ту реку. Где-то – или в другом мире, или где-то глубоко у меня в голове – Карли по-прежнему жива, и я по-прежнему вместе с ней.

Поверьте, я был готов на все ради того, чтобы у меня была эта жизнь.

Но то был другой Дилан. Дилан, делающий правильный выбор.

Доктор Брайер стояла на сцене, а люди подходили к ней по одному, чтобы получить автограф вместе с улыбкой и фотографией. Она была привлекательная, красноречивая и убедительная – именно таким и должен быть предводитель религиозного культа. Я не отрывал взгляда от ее лица, стараясь вспомнить, где мог встретиться с ней, но так ничего и не находил. Наверное, Тай ошиблась. Неправильно истолковала смысл ее слов.

Наконец подошла моя очередь. Я пересек сцену, оставив очередь позади. В руке у меня была книга, которую я купил. Доктор Брайер следила за тем, как я приближаюсь к ней. Подойдя к столику, за которым она сидела, я почувствовал, как меня обволокла ее аура. Нагнувшись, я протянул ей книгу, чтобы она в ней расписалась. Ева Брайер взяла книгу, однако улыбка ее была натянутой.

– Здравствуйте, Дилан, – вполголоса произнесла она. – Я заметила вас на балконе. Я никак не думала, что вы придете. По-моему, это не очень хорошая мысль – чтобы нас видели вместе.

Ее слова застigli меня врасплох.

– Простите, вы меня знаете?

Ее рука, готовая поставить автограф, застыла в воздухе. Миндалевидные карие глаза сверлили меня насквозь.

– Это шутка?

– Нет.

– Дилан, мне не нравится эта игра.

– Прошу прощения, доктор Брайер, но вы, наверное, с кем-то меня спутали. Насколько мне известно, мы с вами никогда не встречались.

– Понятно. – Мельком взглянув на очередь, толпящуюся в противоположном конце сцены, она тряхнула головой, рассыпая свои длинные волосы. Поставив размашистый автограф, она добавила маленькое примечание и протянула мне книгу. При этом ее пальцы скользнули по моим.

– Я ошиблась, – сказала она. – Надеюсь, книга вам понравится.

Я двинулся прочь как в тумане. Дойдя до конца сцены, я оглянулся, чтобы узнать, смотрит ли Ева Брайер мне вслед, однако она уже занялась следующим человеком. Покинув танцевальный зал, я нашел скамейку у лифтов, сел и открыл книгу.

Под автографом доктор Брайер оставила примечание:

«У фонтана, в час ночи».

Глава 7

Три часа спустя я вошел в Гранд-Парк, не обращая внимания на холодный ветер с озера, дующий мне в лицо. Опустив голову, я засунул руки в карманы. Через каждые несколько шагов я оглядывался на огни Мичиган-авеню, убеждаясь в том, что за мной не следят. В настоящий момент я не ощущал его присутствия – *своего* присутствия, однако это не означало, что моего двойника нет рядом.

Я пересек железнодорожные пути и продолжил путь вдоль зеленых лужаек парка. Народу было мало, и я обежал вокруг памятника Колумбу, направляясь к Букингемскому фонтану. Его струи иссякли до завтрашнего утра. За фонтаном до самого горизонта простиралась черная гладь озера Мичиган. Постояв у бассейна, рядом со скульптурами лошадей, я нашел скамейку на южном краю площади и стал ждать.

Я здесь был не один. На соседней скамейке сидел бездомный, кутаясь в одеяло. За спиной звучали сладостные вздохи парочки, занимающейся сексом под сенью деревьев. У фонтана перешептывались два силуэта, и я увидел, как один передал что-то другому. Наркотики.

Доктор Ева Брайер пришла точно вовремя. Я взглянул на часы, и они показывали ровно час ночи. Я увидел ее издалека, по-прежнему во всем черном, в черном плаще, развевающимся на ветру. При ее приближении я встал, она подошла и обняла меня – неожиданный интимный жест, застигнувший меня врасплох. От ее кожи исходил аромат букета роз. Со стороны это выглядело как встреча двух возлюбленных, однако я почувствовал, как ее руки ощупывают мою спину, затем грудь, сверху вниз.

– Что вы делаете? – спросил я.

– Убеждаюсь в том, что на вас нет микрофона.

– Во имя всего святого, зачем он мне?

– Не знаю, Дилан, но все это какая-то бессмыслица. Лишняя осторожность не помешает.

Мы уселись рядом на скамейке. Я чувствовал исходящее от Евы Брайер невероятное напряжение. Она чего-то боялась. Ее голова крутилась из стороны в сторону, всматриваясь в тени, проверяя, что никто за нами не следит.

– Что это было – там, в танцевальном зале? – спросила Ева Брайер.

– Что вы имеете в виду?

– Вы притворялись, будто не знаете меня.

– Я действительно вас не знаю.

– Дилан, прекратите! Вы меня пугаете.

– Я серьезно, – заверил ее я.

Она пристально всмотрелась мне в лицо, ища признаки лжи.

– Произнесите это слово, – сказала она наконец.

– Какое слово?

– Вы сами знаете.

– Не знаю. Я понятия не имею, о чем это вы.

– «Бесконечность», – сказала Ева Брайер. – Произнесите его вслух.

Я пожал плечами:

– Бесконечность.

Расслабившись, доктор Брайер откинулась на спинку скамейки. Я не знал, чего она ожидала, но не произошло ровным счетом ничего. Она крепко обхватила себя руками, словно замерзла на ветру с озера.

– Вы не хотите объяснить мне, что происходит? – спросил я.

– Вы правда меня не помните?

– Доктор Брайер, я уже сказал вам: мы с вами никогда не встречались. Впервые я услышал ваше имя, увидев в гостинице афишу вашего выступления.

– Зовите меня Евой, – попросила она. – Пожалуйста. Все остальное режет слух. Мне нужно задать вам кое-какие вопросы.

– Задавайте.

– У вас бывали провалы в памяти? Чтобы вы, очнувшись, не понимали, где находитесь и что с вами было?

– По крайней мере, я об этом не знаю.

– Даже когда вы бываете пьяны?

– Откуда вы знаете, что я пью?

– Просто ответьте на мой вопрос.

– Нет, я уже много лет не напивался до потери памяти. Как правило, я помню все глупости, которые совершил.

Ева нахмурилась:

– У вас недавно не было психической травмы?

– Была. На самом деле это самая страшная психическая травма в моей жизни. В аварии погибла моя жена.

– Ваша *жена!* – воскликнула она.

– Карли. Наша машина упала в реку. Она утонула. Я не смог ее спасти.

Ева отодвинулась от меня. Ее голос наполнился льдом.

– Я очень сочувствую вашей утрате. Это ужасно.

– Да, очень.

– Возможно ли такое, что после аварии у вас случилась потеря памяти?

– Если и случилась, вы – единственное, что оказалось в ней стерто, – сказал я. – Послушайте, вы, очевидно, принимаете меня за другого человека. Вы не хотите сказать, как мы с вами якобы познакомились?

Ева встала со скамейки и протянула мне руку. Я тоже встал, и мы направились на восток, прочь от фонтана. Мы пересекли объездную дорогу и продолжили путь до тех пор, пока не оказались в нескольких шагах от озера. Я почувствовал на губах брызги воды. У причала качались яхты, скрипя снастями. Чуть дальше ветер поднимал белые гребешки. Позади нас сияли огнями небоскребы.

Ева повернулась лицом ко мне. На шпильках она была выше меня ростом. Ветер трепал ее шелковистые волосы.

– Вы мой пациент. Вот откуда я вас знаю.

– О чем вы говорите?

– Вот уже несколько недель вы ходите ко мне на сеансы психотерапии.

Я попятился от нее:

– *Что?*

– Это правда.

– Нет, этого не может быть! Я даже вас не знаю!

– Поверьте мне, знаете. И я тоже вас знаю. Конечно, вы не говорили мне, что женаты, и это стало неожиданностью. – Ева склонила голову набок, пристально разглядывая меня, словно врач, пытающийся проникнуть в мой мозг. – *Обязательно* должен быть какой-то провал в памяти. Хотя, подозреваю, существует и другая возможность.

– Какая?

– Быть может, вы страдаете от синдрома раздвоения личности, – нахмурилась Ева. – Ваше сознание расщепилось на различные версии себя. Один Дилан не помнит то, что сделал другой. Я никогда не замечала никаких признаков этого, но другие персоналии могут быть

весьма убедительными. Полагаю, также возможно, что мое лечение еще больше обострило ваше состояние.

– Лечение?

– Да. Вы были первым пациентом, которого я лечила по новому экспериментальному протоколу, разработанному мною. Я называю его своей терапией Множественных миров.

– Что это такое, черт возьми?

– Это способ разрушения барьеров между отдельными жизнями, созданными нашим мозгом. Построения *мостов* между параллельными вселенными. Это чем-то напоминает концепцию регрессии в прошлую жизнь, однако, вместо того чтобы возвращаться по времени назад, человек движется вбок, в свои другие миры. Вот почему я попросила вас произнести слово «бесконечность». Это наше кодовое слово, сигнал, побуждающий головной мозг закончить сеанс. Где бы вы ни находились, в каком бы из миров ни были, вам достаточно было произнести это слово, чтобы вернуться ко мне. И я хотела посмотреть, как вы отреагируете на мою просьбу его произнести.

– Я никак не отреагировал, потому что оно для меня ничего не значит.

– Да, это крайне любопытно. Даже не знаю, как к этому отнестись.

Я покачал головой:

– И как работает это *лечение*?

Ева оглянулась на дорожку вдоль берега. Мы по-прежнему оставались одни, однако она, очевидно, не хотела, чтобы нас услышали.

– Вы когда-нибудь слышали о психиатре из Сан-Франциско по имени Франческа Стейн? Она была во всех новостях несколько лет назад, когда выяснилось, что она подправляет воспоминания своих пациентов с помощью сочетания психотропных препаратов и гипноза.

– Может быть. Мне ее имя незнакомо.

– Мы с Франчи дружили. Еще со школы. Мы много говорили о терапевтических возможностях теории Множественных миров. Она считала, что можно использовать технику, подобную той, с помощью которой она подправляла воспоминания, для того чтобы помогать людям «ощутить» свои другие жизни. И с тех самых пор я изучала эту теорию.

– Прыжки между мирами? – скептически поинтересовался я.

– Совершенно верно.

– И вы хотите сказать, что сделали это со мной?

– Вот именно.

– Я бы ни за что не согласился на такое.

– На самом деле вы сами вызвались. Давили на меня, чтобы мы попробовали. Вы сказали, что хотите узнать правду о себе. И вы согласились, что станете моей подопытной морской свинкой.

Мне оставалось только гневно выпаливать свои протесты:

– Экспериментировать с психотропными препаратами? Разве это вообще законно? Потому что это точно неэтично, черт возьми!

– Вы правы. Я переступила границы. Вообще-то вы сами сказали, что именно это вам во мне нравится, поскольку это у нас с вами общее. Я в жизни совершила множество ошибок. Какое-то время употребляла наркотики, и меня едва не выгнали из медицинского колледжа. Если узнают о том, чем мы занимаемся, меня, скорее всего, лишат лицензии. Вот почему я сегодня вела себя с вами так осторожно. Да, я давала вам галлюциногенные препараты, чтобы изменять вашу реальность, но, поверьте мне, я делала это с полного вашего согласия.

– Невозможно! – покачал головой я. – Вы ошибаетесь. Я вас не знаю!

Ева вздохнула, услышав мои отпирательства.

– Вы Дилан Моран. Менеджер по организации мероприятий в гостинице «Ласаль плаза». Ваш отец у вас на глазах убил вашу мать, после чего покончил с собой. После гибели роди-

телей вы жили со своим дедом Эдгаром. Вы по-прежнему раз в неделю ходите вместе с ним в Институт искусств. Ваша любимая картина – «Полуночники» Хоппера. Эдгар любит всем рассказывать, что, если бы в детстве случайно не толкнул директора музея на Стейт-стрит и не спас его от смерти, картина сейчас висела бы где-нибудь в другом месте.

У меня перехватило дыхание. Схватив Еву за плечи, я прошипел ей в лицо:

– Откуда вы все это знаете?

– А вы как думаете? Вы *сами* мне все рассказали.

Я всмотрелся в лицо этой женщины, освещенное светом звезд, пытаюсь понять, кто она такая. Она была врачом и психологом, но не только. Я не мог точно сказать, что это такое, но было в ней какое-то загадочное качество, словно она могла совращать людей своими мыслями. Я чувствовал, как ее чары увлекают меня на ее орбиту. Она была красивая, чувственная, незабываемая. Волшебница. Я мог представить себя у нее в кабинете. Мог услышать свой собственный голос, рассказывающий тайны о себе.

Однако этого *никогда* не было.

– Это лечение, – продолжал я. – Что я испытывал?

– Вы говорили мне, что видели других Диланов из других миров. Общались с ними. Входили в их жизни.

– И вы действительно верили в это?

– *Вы* в это верили.

– Что я видел?

– Если хотите это узнать, вам нужно вернуться в свое сознание. И попытаться самому это увидеть.

– Нет уж, спасибо!

– Вы уверены? После одной сессии вы мне сказали, что хотели бы остаться в мире, который нашли. Вам очень хотелось взять себе жизнь того, другого Дилана.

– Ничего этого нет в *действительности*, – решительно произнес я.

– Откуда вы знаете? Если честно, я сомневалась до того, как мы начали, однако ваш опыт породил во мне твердую веру. Теория Множественных миров верна. Мы действительно выбираем все дороги, которые открыты для нас. В каком-то другом мире мы с вами никогда не встречались. И сейчас мы проходим друг мимо друга по берегу озера как совершенно незнакомые люди. Еще в одном мире мы занимаемся сексом. А в каком-то мире вы удерживаете мою голову под водой, чтобы я захлебнулась.

Я вздрогнул, явственно представив эту жестокую сцену.

– Чтобы вы захлебнулись? Почему вы говорите такое, ради всего святого?

– Потому что именно поэтому вы обратились ко мне, Дилан, – сказала Ева. – Вы сказали, что вам являются видения того, как вы убиваете людей, однако все эти люди по-прежнему живы. Но вы сообщали мне подробности, даты, описания, способы того, как вы их убивали. Вам была нужна моя помощь. Вы боялись, что вот-вот на самом деле станете серийным убийцей.

Глава 8

Вы когда-нибудь смотрелись в зеркало – я имею в виду, действительно смотрели на себя, гадая, кто вы такой?

Что за человек живет за вашими глазами?

Именно так я чувствовал себя в тот момент. Я больше уже не знал, во что верить касательно Дилана Морана. Ева рассказала обо мне вещи, казавшиеся немислимыми, и в то же время в каком-то безумном извращенном ракурсе они имели смысл. Если моя личность расщепилась, если вторая моя сторона живет другой жизнью, о которой я ничего не знаю, тогда, возможно, мой рассудок проецирует этого второго Дилана Морана в мои галлюцинации.

Я видел самого себя. Разговаривал с *другой* своей версией. Каким-то образом мой мозг оживлял мою вторую личность, и то, что я узнал об этой личности, пугало меня. Я не знал, на что я способен, когда был им.

«Зачем ты здесь?»

«Чтобы убивать».

Мне нужно было что-то, за что можно было бы ухватиться, какая-нибудь доска, плавающая в море, которая помогла бы мне удержаться на плаву. Мне была нужна Карли или, по крайней мере, воспоминание о ней. Поэтому я взял такси и поехал на север вдоль берега озера к дому, где жили родители Карли. Из города можно выехать и более быстрыми маршрутами, но я попросил водителя поехать круглым путем по Шеридан-роуд, пообещав вознаградить за это щедрыми чаевыми. Мы с Карли часто ездили этой дорогой, когда навещали ее родителей. Ей нравилось наблюдать за тем, как меняются окрестности: от зеленых лужаек Линкольн-Парка до академических кварталов университета Лойолы и Северо-Западного университета и дальше, к прибрежным поселкам Эванстон, Кенилуорт и Уиннетка.

Я же считал, что она просто не торопится увидеться со своей матерью.

Сюзанна Чанс жила в каменном особняке 1930-х годов. Он был похож на замок эпохи Тюдоров: со стрельчатыми окнами, высокими строгими печными трубами и остроконечными фронтонами. Да, отец Карли тоже жил здесь, но это был «дом, который построила Сюзанна». Отец Карли, Том, поэт и преподаватель английского языка и литературы в старших классах средней школы, был бы счастлив и в однокомнатной квартире у Ригли-Филд. Однако Сюзанна была движущей силой агентства «Чанс недвижимость», и поместье Уилметт являлось зримым воплощением ее успеха.

Такси высадило меня на Шеридан-роуд, и последние сто ярдов я прошел под раскидистыми старыми деревьями. Я был белым, в приличной одежде, что, скорее всего, защитило меня от вызова полиции. У людей, живущих здесь, пальцы так и чесались набрать «911» по любому поводу. Когда я подошел к дому Чансов, свет там не горел, что было неудивительно, учитывая поздний час. У меня не было желания говорить с Сюзанной или Томом. Вместо этого я прошел в огороженный двор и направился через сад к кукольному домику Карли.

Можно назвать это строение кукольным домиком, но в нем было больше тысячи квадратных футов – больше, чем в нашей квартире на Линкольн-сквер. Это покажет вам, как низко опустилась по социальной лестнице Карли, перебравшись жить ко мне. Когда ей исполнилось двадцать два года, она ушла из особняка и поселилась в кукольном домике – это была вся независимость, какую готова была предоставить ей мать. Карли так и жила там, когда мы познакомились, поэтому я провел много времени в этом сказочном мире. У меня долгие годы был ключ от домика, и я знал код системы безопасности.

Войдя внутрь, я так остро ощутил присутствие Карли, словно она была призраком, пугающим меня грохотом своих цепей. На стенах висели ее школьные фотографии, на полках стояли трофеи, полученные за танцы, и сборники стихов. Карли не жила здесь три года, однако

ее мать сохранила все в неприкосновенности, превратив в святилище, обставленное мебелью, которую она выбрала для Карли, когда той исполнилось шестнадцать. Вероятно, Сюзанна надеялась, что ее дочь когда-нибудь одумается, бросит меня и вернется туда, где ее место.

Я сел в протертое кожаное кресло у окна, выходящего в сад. Это кресло отдал Карли ее отец, и, по-моему, он отдал его дочери для кукольного домика, только чтобы его жена не оттащила его в какой-нибудь благотворительный фонд. Это было мужское кресло, некрасивое и невероятно удобное, и оно казалось совсем не к месту среди розовых обоев и занавесок с подсолнечниками. После гибели Роско я провел в этом кресле несколько недель. Рука и нога у меня были в гипсе, я был практически прикован к месту, и Карли ухаживала за мной. Мы почти не знали друг друга, но она была моей сиделкой. А вскоре после этого стала моей возлюбленной.

Последний раз я бывал здесь полгода назад, в январе. Карли позвонила мне из офиса во вторник утром и сказала, что ей нужно уйти и не мог бы я встретиться с ней в кукольном домике? Я согласился, но приехал туда позже назначенного срока: я постоянно опаздываю. На первом месте всегда работа. Заходя в домик с улицы, я принес с собой холодный сквозняк и снежные хлопья. Карли приготовила зимний пикник: расстелила на полу покрывало, откупила бутылку вина и раскладывала средиземноморский обед из хумуса⁸, виноградных листьев и лаваша.

Она стояла в дальнем конце кукольного домика, грея босые ноги у камина. От холода ее лицо порозовело. Грудь колыхалась в такт спокойному дыханию. Карли посмотрела на меня с извечной серьезностью; лишь легкая улыбка витала у нее на губах. Клянусь – она была похожа на живописное полотно, застывшая в своей красоте. Мане. Вермеер⁹.

– Какой у нас повод? – спросил я.

– Никакой. Я тебя люблю, только и всего.

– Я тоже тебя люблю.

Трудно представить более идеальное мгновение, однако теперь, оглядываясь назад, я понимал, что именно в тот день наши отношения начали разваливаться. Можно было провести линию от нашего обеда в кукольном домике до глупой связи Карли со Скотти Райаном и дальше, до последнего ее заявления в последние выходные за городом.

Если бы я был внимательнее, я бы обратил внимание на то, что Карли была непривычно молчалива. Она замкнулась где-то в своем собственном мире; и она никогда не уходила с работы посреди дня без крайней причины. Я должен был заглянуть сквозь ее умиротворенную улыбку, но я был слеп. Я разлил вино, мы уселись друг напротив друга на покрывале, у нас за спиной потрескивал огонь в камине.

– Сюзанна говорила со мной, – сказала Карли, после того как мы на протяжении нескольких минут молча наслаждались едой. Она произнесла это как бы мимоходом. Ничего серьезного.

– Вот как?

– Она отдает мне все дела, связанные с гостиницей «Вернон».

Я поставил бокал на пол. Это действительно был повод устроить праздник. Вот только настроение было отнюдь не праздничное.

– Ты серьезно?

– Да.

– Это же самый большой клиент агентства!

⁸ Хумус – закуска из нутового пюре, в состав которой обычно входят кунжутная паста, оливковое масло, чеснок, сок лимона, паприка.

⁹ Мане, Эдуард (1832–1883) – французский художник, вдохновитель и предводитель импрессионистической живописи, никогда не примыкавший к лагерю импрессионистов; Вермеер, Ян (1632–1675) – нидерландский художник-живописец, мастер бытовой живописи и жанрового портрета.

– Да. Это так. Сюзанна говорит, что я готова.

– Ну конечно же, ты готова.

– Спасибо.

– Это же здорово! – воскликнул я, стараясь наполнить мгновение радостным возбуждением, потому что у Карли на лице радостное возбуждение, как это ни странно, отсутствовало.

– Да. Очень здорово. Денег гораздо больше. Это же хорошо, да? Но и времени тоже больше. Работать допоздна.

– Значит, мы с тобой оба не будем появляться дома, – пошутил я, однако Карли даже не улыбнулась.

– Сюзанна считает, нам нужно переехать. Переехать сюда, в Хайленд-Парк, или еще куда-нибудь. Она говорит, что нам нужно место, где мы сможем принимать гостей.

– А ты что думаешь?

– Я не знаю.

И тот же самый монотонный, безучастный голос. Так не похоже на Карли. Так не в ее духе. Почему я не увидел этого?

– Что ж, прими мои поздравления, – сказал я, наклоняясь, чтобы поцеловать ее. – Ты звезда. Я тебя поздравляю!

Карли улыбнулась, однако улыбка ее была пустой, как на лицах сидящих на полках кукол. И тут, очень резко, она сменила тему.

– Сегодня утром я столкнулась в кафе со своей подругой, – продолжала Карли. – С которой училась в колледже. Сара. Не помню, говорила ли я тебе про нее.

– Кажется, не говорила.

– У нее уже четверо детей. Все они были вместе с ней. Младшей почти два года. У девочки синдром Дауна. Такая миленькая! Пока Сара разбиралась с остальными, она сидела у меня на коленях. Я в нее влюбилась.

– Не сомневаюсь в этом.

Карли аккуратно смахнула что-то из уголка глаза, затем полностью закрыла глаза.

– В общем... – пробормотала она.

Я решил, что она просто купается в тепле пламени камина и в сиянии своего успеха. Она так упорно к нему шла. Я не видел, я понятия не имел, что она смотрит на две расходящиеся тропинки в лесу и понимает, что выбрала не ту.

– Я очень тобой горжусь, – сказал я.

– Да. Спасибо.

«Ты бежал по жизни очень быстро и не замечал, что Карли хочет сбавить скорость».

Скотти был прав. В тот день Карли очень красноречиво изложила мне свои чувства, разве только не высказав их вслух. Но я ее так и не услышал.

– А я-то гадала, кто здесь, – сказала появившаяся в дверях кукольного домика Сюзанна Чанс. – Я так и думала, что это ты.

Мать Карли была в накинутом поверх ночной рубашки атласном халате, перетянтом поясом, и я готов был поклясться, что она, перед тем как проверить, кто в домике, сделала макияж. Подойдя к кофеварке, Сюзанна приготовила себе кофе. Обхватив кружку обеими руками, она уселась на диван напротив меня.

Внешне Сюзанна выглядела так, как должна была бы выглядеть через двадцать пять лет Карли, хотя она до сих пор старалась представить себя как старшую сестру своей дочери. Своего единственного ребенка она воспитывала так, чтобы сделать из него свою полную копию, с тем же самым честолюбием, тем же самым обаянием, тем же самым стремлением доби-

ваться успеха. Юность свою Карли провела, следуя этим чертежам под бдительным присмотром матери.

– Как ты, Дилан? – спросила Сюзанна.

– Не нахожу себе места.

– Да, конечно. Мы с Томом опустошены. Я каждый день просыпаюсь и не могу в это поверить.

– Я вас понимаю.

Сюзанна отпила глоток кофе. Пар из кружки поднимался у нее перед лицом. Она сказала, что опустошена смертью дочери, и я не сомневаюсь, что так оно и было, однако Сюзанна Чанс старательно скрывала свои чувства. А муж ее был поэтом, с душой нараспашку.

– Если хочешь, можешь остаться здесь на ночь, – добавила Сюзанна.

– Спасибо. Вы очень любезны. Но мне просто было нужно снова почувствовать Карли. Вот почему я сюда приехал.

Сюзанна обвела взглядом кукольный домик и рассеянно улыбнулась. Возможно, утрата близкого человека всегда заставляет критически задуматься о себе.

– Даже не знаю, подходящее ли здесь для этого место. Думаю, Карли сама чувствовала себя здесь куклой. Чем-то искусственным. Ненстоящим. Игрушкой. Это моя вина. Скажу честно: до знакомства с тобой моя дочь никогда не была счастлива. И если тебе порой казалось, что я тебя недолюбливаю, возможно, причина именно в этом.

Я не знал, что ответить на это, поэтому промолчал.

– Карли рассказала мне, что произошло у них со Скотти Райаном, – продолжала Сюзанна. – Она не могла себе этого простить. Это была глупая, пьяная, сиюминутная ошибка, не имевшая никакого отношения к ее чувствам по отношению к тебе. Надеюсь, ты это понимаешь.

– Теперь понимаю.

– Ты ее простил?

– У меня так и не было возможности.

– О, Дилан! – Выпив кофе, мать Карли отвела взгляд, и у нее в глазах блеснули слезы. Встав, она подошла к раковине, тщательно вымыла кружку и вытерла ее полотенцем. Сюзанна всегда была точной и аккуратной. Убрав кружку в шкафчик, она укуталась в халат. Подойдя к двери, мать Карли открыла ее, словно собираясь уйти, не сказав больше ни слова, но когда в домик ворвалась ночная прохлада, она заколебалась. – Я должна тебе кое-что сказать. Я знаю, что ты сделал. Я это понимаю, хотя и не могу оправдать.

– Что вы имеете в виду?

– Я знаю, что ты после этого случая встречался со Скотти.

– Да, встречался.

– Зачем, Дилан? Почему ты не мог все оставить?

Я пожал плечами, потому что у меня не было оправданий своему поведению.

– Я не собирался с ним встречаться. Это произошло случайно. Он оказался там, я оказался там. Мне следовало пройти мимо, но я не сдержался. Я обвинил во всем Скотти, в то время как должен был винить только себя самого. Хотя это не меняет того, что он сделал.

– Ну, полиция уже знает, – сказала Сюзанна.

– Полиция?

– Да, мне позвонили. Здание числится за нашим агентством, поэтому полицейские позвонили мне, чтобы узнать, знаю ли я что-либо. У них есть *твое* описание, Дилан. Есть свидетельница, видевшая, как ты выходил из дома. Извини, я не смогла солгать. Я рассказала о том, что произошло с Карли. Боюсь, теперь у полиции также есть и мотив.

– Сюзанна, о чем это вы?

– Полиция знает, что это ты убил Скотти, – ответила она. – Мне сказали, что ты ударил его ножом в сердце. Он мертв.

Глава 9

Вернувшись в гостиницу, я ожидал увидеть там полицию, приехавшую, чтобы меня арестовать. Но нет, в пять часов утра в фойе было тихо и пусто. По-видимому, полицейские не знали, что я ночую здесь. Я испытал облегчение, поскольку мне требовалось время подумать, определить, что делать и куда идти. Скотти Райан мертв. Мужчина, у которого была связь с моей женой, убит. Это я его убил.

Вот только я этого не делал.

Я ударил Скотти в лицо и ушел, оставив его одного, окровавленного, но живого. Да, мне *действительно* хотелось его убить. Это была правда, и я не мог ее отрицать. Заходя в здание, я был переполнен яростью и жадной мщеницей. Но если бы я схватил нож и вонзил его в грудь Скотти, я бы это помнил.

Помнил бы?

Или моим разумом завладел кто-то другой? Человек, пришедший сюда, чтобы убивать. Как заявило явившееся мне видение.

Поднявшись на лифте наверх, я вошел в свой номер. Я валился с ног от усталости. Закрыв за собой дверь, я привалился к ней спиной, дыша медленно и глубоко, стараясь успокоиться. Стараясь *думать*. Найти какое-либо объяснение происходящему. Вот только я сразу же почувствовал что-то неладное. В воздухе присутствовал посторонний запах, резкий, сладковатый аромат, ударивший мне в нос. Я обвел взглядом комнату, мгновенно пробужденный нахлынувшим адреналином.

Кровать была не заправлена. Покрывало валялось на полу, белье было смято. Я оставил номер не в таком виде. Горничная уже давным-давно убрала здесь, и с тех пор я в кровать не ложился. Уходя на встречу с Евой Брайер, я бросил взгляд на аккуратно разглаженное покрывало.

Кто-то побывал здесь. В моем номере.

Это напоминало зловещую шутку: «Кто спал в моей постели?»

Мои глаза медленно впитывали детали. На подоконнике стояла пустая бутылка из-под виски, отражая огни города за окном. Это была та самая бутылка, которую откупорил я сам. Я выпил три стакана. Или четыре? Неважно, теперь бутылка была *пустой*, и рядом с ней стояли два стакана. Подойдя к подоконнику, я заглянул в стаканы и увидел на дне воду. Растаявший лед.

Лед? Я никогда не кладу в виски лед.

Взяв второй стакан, я увидел на нем красное пятно. Губная помада. Здесь были двое: мужчина и женщина.

Я снова осмотрел комнату. Только теперь я заметил разбросанную у кровати одежду. Женскую. Пестрое платье лежало складками, как аккордеон, словно его сбросили с обнаженных плеч и бедер. Рядом валялся кружевной лифчик. Бледно-лиловые трусики. Черные туфли на шпильках, скинутые с ног.

От одежды и кровати исходил сладостный аромат только что раскрывшегося бутона, который я ощутил, едва войдя в номер. Теперь я его узнал. «Одержимость».

И тут я вздрогнул, услышав стук дверной ручки. Я был в номере не один. Оглянувшись на дверь ванной, я увидел в щели свет. Дверь открылась, и в полумрак комнаты вышла Тай. Проникающие в окно отсветы огней Чикаго озарили ее обнаженное тело, блестящее после душа. Тай вытирала длинные волосы, держа в руках полотенце, закрывающее лицо. Я увидел ее выступающие ключицы, узкие бедра и поджарые ноги и все остальное, разумеется. Шоколадно-коричневые твердые соски выступали из небольших грудей. Треугольник между ногами чернел курчавыми волосами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.